

The background is a detailed 18th-century painting of a busy harbor scene. In the foreground, a large crowd of people, including men, women, and children, is gathered around several horses and a carriage. A man in a blue coat is leading a horse, while a woman in a white dress is holding a child. In the middle ground, a large crowd of people is gathered around a central structure, possibly a weighing station or a market stall. The background shows a harbor with several boats and a large building with a dome. The sky is filled with soft, white clouds.

Анри Коломон

*Мерный
кабриолет, или
кабриолет без
дверицы*

*Из четверологии
романа «Франсуа
и Мальвази»*

Анри Коломон

**Черный кабриолет, или кабриолет
без дверцы. Из четверологии
романа «Франсуа и Мальвази»**

«Издательские решения»

Коломон А.

Черный кабриолет, или кабриолет без дверцы. Из четверологии романа «Франсуа и Мальвази» / А. Коломон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852098-3

Время начала 18-го века, когда старый феодальный уклад ещё никуда не делся, а нараставшему новому просто еще неоткуда было взяться. Но оно городами, и особенно такими большими как Париж, начало двигать людьми совсем по-иному, заставляя из сельских глубинок старых поместий выбираться по делам туда, где решались их дела и жизнь была ключом. В начинающейся самостоятельной жизни молодого человека, вынужденно по бедственным причинам пребывавшего в неподобающей его происхождению среде по надобности.

ISBN 978-5-44-852098-3

© Коломон А.
© Издательские решения

Содержание

Книга II. Черный кабриолет, или кабриолет без дверцы	6
Часть I. Начало	7
Глава I. Экипаж со странным грузом	8
Глава II. Каменный мешок	18
Глава III. База	30
Глава IV. Преступность обделывает дела	36
Глава V. Джон Лоу	43
Глава VI. О том где был найден ключ и что было дальше?	51
Глава VII. Когда не хватает сил!	61
Глава VIII. Клумба в которой исчезают и ночные неожиданности	67
Глава IX. Сожительство	79
Глава X. Пустота скитаний	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

**Черный кабриолет, или
кабриолет без дверцы
Из четверологии романа
«Франсуа и Мальвази»**

Анри Коломон

© Анри Коломон, 2017

ISBN 978-5-4485-2098-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга II. Черный кабриолет, или кабриолет без дверцы

Часть I. Начало

Пора, пора порадуемся
На своем веку
Красавице и кубку
Счастливому клинку!

Пока, пока покачивая
Перьями на шляпах
Судьбе не раз шепнем
Мерси боку!

Нужны Парижу деньги
– Селяви!
А рыцари ему нужны
– Тем паче!

А что такое рыцарь
– Без любви?
И что такое рыцарь
– Без удачи!

Автор текста Ю. Ряшенцев

Глава I. Экипаж со странным грузом

26 марта, года 1706-го от Рождества Христова, в пять часов вечера застава Фонтенбло по своему обыкновению продолжала выпускать и впускать в Париж всех в том нуждающихся, в том числе и черный, лакированный до блеска кабриолет, запряженный парой коней, гнедой масти, сильных, но уставших после продолжительного пути по раскисшим от дождей дорогам Франции.

Несмотря на то, что ехали на сем кабриолете со стороны предместья Иври, можно легко было догадаться, что прибыли на нем с более отдаленных мест, по тем простым приметам, которые накладываются на транспорт дорогой, и которые сразу бросились в глаза старому сержанту караульной будки, вышедшему на свежий вечеряющий воздух выкурить трубку, а заодно проследить за тем как заинтересовавший его кабриолет направится прямо по улице Фонтенбло в самое нутро Парижа, оставляя предместье Сен-Марсо по правую, а предместье Сен-Жак по левую сторону.

Экипаж сего типа закрытый «кабриолет», выгодно отличался от многих других типов тем, что управляющий, в данном случае молодой человек, в фетровой шляпе с подогнутыми полями и легком костюме, находился внутри кабины, что очень и очень важно в сырую ветреную погоду. Следующее отличие, и также в лучшую сторону, состояло в том, что путешествующие в кабриолете всегда находятся рядом – лучшее средство от тоски, которую нагоняют однообразные дорожные виды. Хотя сейчас ни о какой тоске не могло быть и речи, так как второй спутник молодого человека, несмотря на грохот колес о булыжник и тряску, спал самым крепким сном, каким только можно спать в его пожилом уже возрасте, скорчившись в три погибели на недостаточно просторном мягком сидении со спинкой, смахивающим на небольшой диванчик, тогда как сам молодой человек был увлечен созерцанием видов славного города... впрочем ненадолго; Париж предместий и окраин ему не понравился. Прозаическое представление о нем, как о чем-то привлекательном, впечатляющем и комфортабельном, из-за тех же самых луж и вязких не мощеных мест, которые мучили их и в пути, переменилось не в лучшую сторону.

По тому как часто засвистал кнут, гуляя по спинам коней, угадывалось одно простое желание – поскорее выбраться из окраинных районов в Париж настоящий – величественный и грандиозный, каким он представляется, какой он есть у Пантеона, когда проехав по улице

Муффттар кабриолет свернул налево, оказавшись перед коричневым в сумерках здании, фасадом напоминавшем торец древнегреческого храма с колоннами, с отходящими глухим крылом стены. Венчало это сооружение многоярусная куполовидная башня, сама увенчанная христианским крестом.

Предвечерний Париж. Самое оживленное и многолюдное время, когда еще рано запирается по домам и следует доделать кое-какие накопившееся за день дела; это время когда еще не зазорно выходить из дому, потому что это не вызовет у злостных соседок ложных пересудов о твоей особе на счет того куда ты так поздно ходила? И наконец вообще это время, когда ты сам не замечая, оказываешься на улице и сразу же находишь чем заняться, ведь предвечерний Париж это уже и вечерний, и ночной Париж вместе и сразу...

Наступило традиционное время прогулок и отдыха в парках, бульварах или же просто на улицах, когда еще можно ходить по любым местам не боясь грабежа, нападения. Ведь темное время дня облюбовано любителями легкой наживы, различными романтиками с большой дороги, негодьями всех мастей, каких с трудом держит свет.

Но это бы не было так, если бы с сумерками на французов и парижан особенно, не нападала бы блажь хорошенько повеселиться и они не заполняли бы собою различные увеселительные заведения, вплоть до театров, и не устраивали бы вечерних визитов и пирушек, поддерживая о себе мнение что во Франции живут для удовольствий. А с чего как не с удовольствий лучше всего выколачиваются деньги, законными и противозаконными способами и методами.

По идее, заходящее солнце должно было окрашивать хотя бы высокие конусы и шпили собора Парижской Богородицы, смотря по тому, что небо не было таким уж и облачным; но видно где-то в стороне заката шел дождь, а само солнце уже достаточно опустилось над горизонтом.

В Париже тоже прошел дождь – довольно частое явление весны, и поэтому в воздухе ощущалась чистая свежесть, а на улицах было влажно и сыро от луж, которые уже не объезжались стороной от опасности в них завязнуть.

По мере того как черный кабриолет все более и более углублялся в Сен-Жерменское предместье, мнение правившего молодого человека сменилось на более снисходительное и он уже менее критично относился к тем, на первый взгляд неприглядностям, кои никак не вписывались в его сказочные представления, хотя впрочем и являлись неотъемлемой частью неповторимого колорита.

Поэтому, выглядывая из проема с места, на коем он сидел, и откуда тянулись же ленты вожжей наблюдатель меньше всего обращал внимание на то, куда ехать и больше всего на то, что его окружает. Кони сами втянулись на ровную, аккуратно замощенную улицу, немного темноватую из-за высоких, плотно прижатых друг к другу домов, которые расступились лишь у громады готического собора Сен-Жермен Л'Оксерруа, что дало возможность завернуть налево, и на более светлую улицу, где к тому же было очень много народу, возвращавшегося с вечерней мессы.

По-видимому в характере парижан было не уступать дорогу тихо едущему транспорту и поэтому кабриолету вслед за конями пришлось всячески петлять по оживленной улице, объезжая то одного зеваку, то другого, то наконец вообще чуть ли не останавливаясь, отчего представилась возможность узнать кое-что о парижских нравах.

За бардюрой бульвара¹, у корзины с покупками стояла стройная молодая женщина в шерстяном бардовом платье до самых пят, держа в руках бутылку в плетенке до самого горлышка наполненного водой. Разговаривая со старухой она обернулась на отставшего от нее заигравшегося мальчика и громко позвала:

– Иди же сюда!

Затем повернулась обратно, продолжая разговор на интересующую ее тему :

– А я сразу ей так и сказала – нечего выпрашивать, когда самой можно сходить и взять.

– Правильно, голубушка, ты сказала, это ведьма была, им святая вода всегда нужна.

– А я знаю, они сами воду взять не могут вот и просят отлить, немощными притворяются...

– Никогда, никому чужому святую воду не давай! Что ж ты, ходить умеешь, руки, ноги есть, так пойдешь ты, стерва, сама возьми! Или не можешь?!...

...Правильно, ты, доченька сделала... Отлей мне миленькая немножко, в баночку, не досталось мне сегодня...

Сидевший за вожжами, высунулся с кнутом, стегнуть ведьму-старуху, но был остановлен красноречивым взглядом наливавшей. Еще его остановило и то обстоятельство, что из-за неудобия положения, в котором находилась рука от его удара могло прийти по восхитительным округлостям, так выявляемым тесным бардовым платьем.

¹ [1] не путать с классически вписавшимися под это представление, но теми старинными еще очень высокими и разномастными преградами, пока не бывшими переделанными в удобность для прогулок.

Между тем женщина продолжала смотреть на молодого человека, отвечавшего ей тем же, глядевшего из-под низко опущенной на глаза шляпы... Обратив внимание на подбежавшего к ней сзади малыша он, построил на лице презрительную гримасу, щелкнул кнутом по спинам коней, которые чуть не налетели на одного зазевавшегося горожанина... Ударом кнута по ногам свалил кричавшего на него почтенного мэтра, завопившего еще сильнее ему вслед.

Объехав, точнее пропетляв по Сен-Жерменскому предместью, считавшемуся аристократическим, побывав также и у Люксембургского дворца, далее выехал к мосту на Ситэ – остров откуда начинался сей город, где на месте древнего дворца римских правителей ныне стоял незабвенный Пале де Пари, или как его еще можно назвать Дворец Правосудия.

Далее заплатив так же пошлину за проезд по мосту, поехал на другой берег Сены, проезжая возле домов, которые еще стояли на нем.

По набережной Савонри кабриолет выехал на Кур-Ла-Рен, где находился величественный Лувр, уже утративший титул резиденции французских королей. Оттуда же, но по другую сторону можно было заметить серое здание дома Инвалидов, с его спутницей больницей Сальпетриер.

От Пале-Ройяльского дворца, соседствовавшего с Лувром и Тюильри, сидевший за вожжами опять направил кабриолет в сторону Бульваров и остановился только когда выехал к холмистому Монмартру.

Пора было отправляться на место, известное ему только названием, куда следовало бы ехать сразу, а не мучить своего попутчика, и не мучиться сейчас самому размышлениями на счет того: куда следует ехать и у кого это можно узнать?

Вынул из-за пояса часы на цепочке, открыл золотую крышечку, глянул на циферблат, было еще не так темно, чтобы не разглядеть сколько часы показывали времени?

Оглянулся назад, глянул на попутчика, усиленно продолжавшего спать.

– Ничего, сейчас ты у меня проснешься...

...И с этими словами Франсуа развернув кабриолет погнал его на примеченную ранее выбоину в брусчатке дороги... Слетевший на пол Рено, конечно же, проснулся, и как ни в чем не бывало проговорил :

– Я чувствую ласку Парижа.

Взглянул из-за плеча Франсуа.

– Далеко нам еще?

– Даже не знаю

– Так, а ты куда едешь?

– Вперед.

– ... Это же Сент-Оноре, даже Монмартр, ничем не хуже Сент-Антуанского предместья, смотри, какое я вижу кафе.

– А я вижу что этот притон не для порядочных людей. Мне кажется, что нам следует не сбиваясь с пути следовать туда, где нас ждут.

– В таком случае, прошу!... протянул Франсуа вожжи, освобождая место.

Прилегли на диван он однако в отличие от Рено уснуть не смог и, промучившись с полчаса, встал.

– На улице темная ночь, но мы на верном пути.

– Да, я несколько выпрямил дело.

Кабриолет остановился.

– По что так? – спросил Франсуа и чтобы узнать что их остановило, даже высунулся из дверей ...но ничего кроме множества свободных путей не обнаружил, впрочем кое-что он все-таки приметил :

– Когда чего-то не знаешь – спроси!

– Увы!...

Но тут Рено к своему облегчению заметил выехавший неизвестно откуда экипаж, следовавший в сторону фонарного столба. Сразу же за ним вслед тронулись и они. Когда кабриолет заметно приблизился к громоздкому экипажу, тот несмотря на свою массивность неожиданно для них оторвался вперед. Тогда Рено погнал уставших коней с самой большой скоростью, какую они только могли развить и то с трудом, но стал догонять

– Да что за черт!?! – выругался он, когда при свете фонарного столба, вдали заметил как кучер уносящегося рыдвана бичует своих скотин со страхом оглядываясь на догонявших.

– Странное дело. – проговорил Рено, – Чего он мог испугаться?

– Наверное в Париже появился новый вид разбоя: «разбойники на колесах» – предположил Франсуа, так же за всем наблюдавший, – Ну нет, нет, нет! Рено докажи ему что от чистокровок Ла-Марша не уйдешь!

– Он нас сбивает с пути.

– Так хуже ему!

Рено и самому не на шутку захотелось догнать и разузнать в чем дело? Тем более что он заметно нагнал преследуемых..., но тут рыдван свернул за угол и неожиданно вывернул оттуда обратно. Из-за этого маневра кабриолет, что называется сел рыдвану на хвост.

– Дело, конечно, нечистое, – проговорил Франсуа с удовольствием, – я полез за пистолетами. Тем временем Рено стал заводить кабриолет вбок и еще дальше вперед.

Франсуа открыл ногою дверцу, направил пистолеты на сидящих на облучке, сразу же потеряв их из вида, но тут резко затормозил и кабриолет, отчего его по инерции завалило в сторону.

Сверху перед ним наземь спрыгнул Рено, не успел Франсуа еще ступить ногой на землю :

– Ты видел как они сиганули?

Франсуа лишь только мог слышать как один другому сказал силенным басом :

– Линяем шеф!

А о том как резво они юркнули в темный переулок приходилось только догадываться. Рено остановил подошедшую упряжку лошадей, подвезшую за собой покинутый рыдван.

Рено и Франсуа друг за другом протискиваясь между лошадьми и колесами собственного кабриолета на собственный страх и риск приблизились к двери рыдвана. Франсуа постучал ручкой пистолета :

– Эй! Кто там есть, выходи!

– Все сбежали, – предположил Рено.

Зайдя с другой стороны Франсуа, держа пистолет наизготове, дернул рукой за ручку. Дверца открылась и изнутри, к их ногам наземь упал мягкий мешочек. Внутри рыдвана никого не оказалось, но точно такими же мешочками был устлан весь пол.

Они взяли по мешочку (Рено поднял упавший), каждый попытался развязать свой... Поздно услышали приближающиеся шаги сразу нескольких человек.

– Они возвращаются! – проговорил Франсуа хватаясь за пистолет.

– Стой! – раздался резкий окрик откуда-то сзади. – стоять всем на своих местах! Замереть!

– Это полицейский патруль...

– Бежим Рено, нас задержат!

Внезапно из-за кабриолета (откуда они не ожидали) на них выбежали трое полицейских, сразу же налетев с короткими шпагами, против которых ничего нельзя было поделать... Поотнимав у Франсуа и Рено оружие полицейские начали их жестоко избивать. Разогнувшись после сильного удара в грудь от рукоятки собственного же пистолета Франсуа увидел как Рено начинают пинать ногами, в то же время почувствовал у горла тонкое лезвие шпаги, которое приставил офицер полиции :

– Отвечайте! Кто из вас Картуш?! Пусть ответит Дармаглот!

– Сам ты Дармоед! – ответил Франсуа

– Почему вы хотели бежать?!

– Куда и зачем?!!

– Вы нас не за тех принимаете. – начал было оправдываться Рено

– Молчать! Ночью хорошо все слышно. Я ясно слышал ваши слова. Разве они могли перефразироваться? – засмеялся офицер, глянув на двоих своих подопечных. – Они свидетели...

...Почему у вас в руках оружие и чьи это экипажи?

– Это совсем не наша колымага.

– Так значит от одного экипажа вы отказываетесь? Ну-ка посторонитесь, что вы там прячете?...

Один из подчиненных отстранил Рено, взял один мешочек, резанул по материи :

– О-о! Ваниль что ли? Точно ваниль, – говорил полицейский, пробуя на язык. – А пряности-то... то что надо! Ценю. Меня сразу томление захватило. Попробуй, – предложил молодому полицейскому. Офицер с удовольствием, отнял клинок шпаги от шеи Франсуа, убрал в ножны.

– Значит контрабандой промышлять стали? В общем ребята, вы приехали! – ответил он. Можете считать ваша песенка спета!

С удивлением перевел взгляд. Двое его подчиненных сотрудников в замедленном действии опускались с ног и безмятежно растягивались на мостовой прямо перед задержанными.

– Эй! Балбесы, что вы творите? Встаньте сейчас же!

Взгляд незадачливого офицера встретился с сочувственным взглядом Франсуа и не успел он даже схватиться за рукоять не предусмотрительно вложенной в ножны шпаги, как загнулся от прицельного удара ниже пояса и тут же получил еще один звенящий удар по уху.

Рено же проявил куда больше милосердия, он лишь помог своему молодому другу повязать руки наглого офицера полиции. Заметил, как Франсуа засунул упирающемуся офицеру в рот свой грязный носовой платок. Рено вынул кляп и, развернув, укоризненно указал на вензель.

Когда офицер увидел какой платок ему хочет засунуть в рот Рено, он стал звать на помощь, а затем мертво стиснул зубы.

Франсуа привычным движением двумя пальцами надавил на связки нижней челюсти, предоставив Рено возможность все-таки запихать упирающемуся офицеру свой кляп.

– Молчи! – приказал шевалье, пытающемуся крикнуть офицеру, как вдруг услышал возле себя душераздирающий крик Рено, вспомнил что перестал оттягивать челюсть и Рено чуть не лишился пальца. Тут же смачно вlepил по роже офицера всей пятерней :

– Каналья!

Когда с офицером, в том числе и с его ногами, все дела были наконец-то улажены, внимание победителей обратилось на чудеснотворное содержимое мешочков.

– Ваниль ... – усмехнулся Франсуа.

– А это случаем не яд?

– Не-ет! Я знаю что это такое, потом объясню.

Франсуа взял щепотку порошка засунул офицеру за щеку.

– Запах ароматный...

Не нюхай, а то обалдеешь сейчас. Лучше давай решать что дальше делать?

– Тихо... Идут.

– С какой стороны?

– Нам вперед!

– Притормози! Помоги мне – попросил Франсуа

– Зачем? Что ты еще придумал? – вопрошал Рено вынужденно, помогая затаскивать вовнутрь рыдвана одного за другим полицейских.

Франсуа захлопнул дверь, достал из кармана монету.

– Аверс, реверс?

– Что ты придумал? Легавые на носу!

Внутренне возмущаясь на такую потерю времени он все же наблюдал за тем как решиться его участь, поняв замысел молодого напарника.

– Между тем Франсуа ни слова не говоря подкинул монету и поймав, цыкнул с недовольства.

– Человек спятил, – пробормотал себе под нос Рено, направляясь к кабриолету. – Ох, попаду я с тобой в журнал!

Заскочив на удобный облучок трофейного рыдвана, Франсуа рванул прямо с места, чувствуя шаги чуть ли не за своей спиной.

– Встретимся у кафе де Пари. – было всё же сказано до того шума-грохота.

Рено на легком кабриолете вскоре догнал тяжелый рыдван, груженный теперь уже тремя здоровенными служителями порядка, лежащим образом вперемежку с мешочками, еще когда они не успели доехать до конца улицы.

– Брось дурить!... Перескакивай!

Впереди на перекрестке, перед ними неожиданно показались полицейские, жавшиеся к черному кэбу, который тронулся навстречу дабы перерезать путь.

– Влипли по самые уши! – услышал Франсуа где-то позади себя, но скорее всего со стороны кабриолета в волнении и спешке толком не разобрал. Разгадав замысел Рено, придерживал лошадей, давая кабриолету возможность сначала обойти, а затем и закрыть своим корпусом его рыдван, пока они находились в темной части улицы.

Выскочив на более-менее освещенный перекресток кабриолет и рыдван внезапно разъехались в разные стороны, проскакивая мимо растерявшихся полицейских на кэбе, никак не ожидавших раздвоения. Пока гадали какой тормозить, засада провалилась.

Вместе с типичными в таких случаях для полицейских криками, им вослед раздался единичный выстрел, не достигший цели, впрочем кабриолет Рено остановился... и отвлекши на себя погоню, опять тронулся...

Франсуа чувствуя сильное дребезжание корпуса рыдвана на миг присмотрелся к устало двигающимся взмыленным крупам лошадей...

«Мне на Рено молиться надо»...

...Свернул на улицу потемней, где уже собрался было соскочить на брусчатку, как вдруг к полной своей неожиданности почувствовал что сверху с крыши рыдвана его похлопали по шляпе, и вскоре оттуда к нему на сидение свесились две ноги в строгих в черных брюках...

Не полицейский вид человека в черном очень устроил и заставил подумать о том когда и как этот тип в шляпе без перьев мог оказаться его попутчиком? Вспомнил шаги и тот момент когда показалось что кто-то все-таки настиг рыдван, не успевший дернуться.

Между тем тот человек не обращая на него внимания поднял перегородку жалюзи влез вовнутрь в точно такой же проход, какой имелся и у кабриолета.

– Зачем столько фараонов набрал? – раздался сзади резкий скрипучий тенор, который он где-то уже слышал. – Да куда ж ты!

Высунувшаяся волосатая рука потянула одну вожжу на себя. Лошади завернули вправо и понеслись далее, чувствуя знакомую дорогу, даже в такой темноте. Недаром лошади отличаются завидным зрением в такое время суток.

– Держи по краю канавы, вот так.

Франсуа не видел ни какой канавы, смотрел по другому краю. Подумал, что спрыгивать пока рано. Понял с какой стороны канава, когда в нее, точнее в ее грязь, стали плюхаться один за другим тела полицейских.

«Может это сам Картуш?² За кого он меня тогда принимает?»

– Ха-ха-а! Зерюк... послышалось сзади, – Ты паскуда, собственным дерьмом!...

Сомнения Франсуа разрешились тем мгновением, когда рука того человека опрокинула его вовнутрь, разжала челюсти... Он почувствовал вкус порошка, от попадания в горло которого закашлявшись... Подумал, что не следует вырваться, а наоборот, нужно обмякнуть, притвориться усыпающим... Мысли его поплыли дальше, показалось смешным то что, его ноги под трубный грохот, заложивший уши, уносятся куда-то вверх и вперед... Последнее что произошло в его сознании это то, что он почувствовал как по нему лезут наверх...

² [2] Главарь парижского преступного мира

Глава II. Каменный мешок

Открыв тяжелые веки слегка зудящих глаз и еще окончательно не придя в себя после наркотического сна, захотел снова забыться сном, чтобы не чувствовать того тяжелого внутреннего состояния, когда здоровым сном уже вряд ли можно заснуть.

Побаливала голова, давило в виски, болезненная слабость давила над телом. Доза опия была слишком сильной, чтобы после нее можно было сразу отойти, или хотя бы прийти в себя. Глаза невозможно держать закрытыми, но и открытыми они слипались. Вместе с тем нельзя было не заметить, что пробуждение молодого организма брало верх над слабостью и полубморочным состоянием.

Подумалось, что нужно бы встать, или по крайней мере немного пошевелиться, дабы окончательно скинуть с себя немощное состояние, но прошло несколько минут, прежде чем он приподнялся, облокотившись на руку.

Головокружение, звон и пятна в глазах снова захватили его в свои невыносимые тиски, сковывающие движения.

Придя немного в себя и перестав пошатываться, почувствовал, что ногами находится на толстой, но не мягкой материи в каком-то кругу, ограниченном кирпичными стенами. Поднял глаза выше и увидел через решетку лунный свет.

Вместе с тем чувствовалось, что наверху покрывает дождик и на него падают водяные брызги, разбивающиеся о прутья решетки.

Вскоре луна скрылась, стало темнее, дождь зарядил еще сильнее, донося единый шелестящий гул, многократно преобразуемый акустикой пористых стен. Стало еще более свежо и холодней, наверное, оттого, что вернулись чувства.

С большим усилием и головокружением поднялся на ноги и пошел, пнув под ногами не замеченный кувшин.

Благодаря сильной выпуклости боков сосуда, вода из него вылилась не вся. Подхватив его с мокрого пола, Франсуа поднес горлышко к губам. Холодная вода приятно освежила, придала силы и ясность ума, хотя все еще давило на виски.

«Где же он?» – вертелся у него один вопрос, вспоминая, чем закончилась прошлая ночь. По неопределенному чувству, какое сопутствует каждому пробудившемуся, знать хоть примерно, сколько длился сон, Франсуа был уверен в том, что спал он долго. Тогда ночь была не дождливой, что лишний раз подтверждало тот факт, что привезли его сюда не этой ночью.

Значит, он проспал сутки?! Если не двое, но последнее предположение было им исключено.

Зачем его держат в этой дыре? Но ответ на этот вопрос и предшествующие, и последующие другие вопросы могло разрешить только время. Решив более не задавать себе вопросов, Франсуа получше всмотрелся в то, где он находился: каменный мешок, да и только.

Если проникнуть через решетку наверх, чего никак не мог сделать узник со своего глубокого дна; и дожидаться когда луна снова войдет в роль ночного светила, только тогда можно будет окинуть взором, насколько это возможно, широкое и ровное пространство очень большого двора, окруженное сплошными высокими стенами, кое-где с хозяйственными постройками, которые сходились, а точнее терялись в темноте, в той стороне куда вела дорожка.

Если присмотреться повнимательней, то в темноте той стороны можно отличить еще более темную заднюю сторону двухэтажного дома, которую отгораживали эти хозяйственные постройки, образуя внутренний дворик, с которого по боковому проходу можно было попасть на внешний дворик.

Сей дворик огражденный, как и неширокий проход продолжением внешних стен, находился перед лицевой стороной дома, окнами глядящего на улицу, которую и таковой-то нельзя было назвать, потому что она очень расширялась, а дома, составлявшие ее, были беспорядочно разбросаны, и единственное, что их связывало – это обширные беспорядочные ограды.

Сия местность лишь чем-то смахивающая на улицу, была что ни есть самой окраиной предместья Бельвилль, так что если с окон дома за высокими глухими стенами, смотреть влево, то впереди уже более не замечалось никаких городских построек, разве что, глянув в подзорную трубу можно было заметить сельские.

Однако же вернемся к фасаду замеченного ранее дома, а вернее, к переднему дворику, или еще вернее к воротам в него, к которым с внешней стороны в данный момент незаметно подошли две фигуры и бесшумно прошли через калитку, открытую собственным ключом.

Представший перед ними дом, при свете луны казался пустым и заброшенным, но это нисколько не остановило тех людей от намерений войти.

Внутри здания недостатка в неярком ровном свете свечей не наблюдалось, так же как не было недостатка и в темных шторах, наглухо задрапировавших все окна.

Вошедшие стряхнули со своих плащей влагу от дождя и не снимая своей грязной обуви прошли наверх. Входя в ярко освещенную комнату, низкий коренастый человек характерного китайского происхождения снял с головы шляпу, оголив еще небольшую лысину.

Сидевший перед ними вразвалочку на глубоком кресле мужчина в черном костюме с жесткими острыми чертами лица, перевел взгляд с китайца и его традиционной восточной учтивости на небритого здоровяка Дармаглота, никогда учтивостью не страдавшего.

Перед ними сидел Картуш, хотя сказать просто Картуш, и не сказать сам Картуш, было бы большой несправедливостью по отношению к той легендарной личности, какую он собой являл; уже в свои теперешние двадцать пять лет, прочно усевшийся на шаткий трон главы преступного мира воров и грабителей Парижа.

При чем он был не просто незаурядным матерым преступником, умеющим удержать у себя в подчинении, но он и умел наводить знакомства с властью придержащими мира сего, обретать в них друзей и верных помощников, все более тесно связываясь с высшими кругами

общества. Вот быть может почему казнен был Картуш в год смерти Людовика XIV, после смерти которого в эшелонах власти произошли большие перестановки.

Неизвестно как выбравшись наверх по неиерархической лестнице преступного мира, Картуш умело управлял своими подданными, теми невидимыми механизмами, которые он умело запускал в ход, вследствие чего раскинул по всему подвластному ему городу свои сети, в которые с каждым годом наваливалось все больше и больше доходов.

Несомненно Картуш был человеком с выдающимися организаторскими способностями. Родись он столетием позже, кто знает как бы проявился его гений и каких бы высот он достиг, но это время воспитало его бессовестным малым, подлецом до корней волос, обладателем в совершенстве всех низких человеческих пороков, имевший на своем счету и много практики, начиная от разврата и кончая убийствами. Не собираясь перечислять далее все презренные недостатки и пороки (а их у него было сильно много, если не сказать все), скажем лишь, что вместе с отрицательными, как и во всякой другой человеческой душе, у него имелись и положительные черты, как например в особенности романтические, отчего после казни на Гревской площади его кличка, превратившаяся в легендарное имя никогда не забывалась во Франции.

Изредка, с большим для себя риском, человек со дна, бывал на различных балах, особенно предпочитая маскарады, когда можно себя совершенно скрыть. И для этого требовалась не только роскошная карета со слугой и щегольский костюм, но и изысканность манер... Поэтому, если мысленно начать составлять символический образ: невинность доверяется коварству, то для сей умозрительной картины лучше всего подошел бы олицетворявший собой коварство Картуш, стоящий на приступке экипажа своей новой знакомой и ведущий с ней интимные доверительные беседы.

В своей повседневной деловой жизни манеры Картуша порой и кишели и вульгарным и отталкивающим, но при общении с представителями низов это только шло на пользу, а на людей, к таковым не относящимся, поразительно действовала его живая натура, подкрепленная интересной оборотистостью речи и резким голосом, во многом действующим на психику простого человеческого материала, с которым ему постоянно приходилось работать.

– О, Шеф! – по приветствовал Дармаглот, так как и этот возглас можно было считать крайней степенью вежливости этого простого и неприметного грубого человека. Китаец второй раз удовольствовался сидящего в кресле Картуша легким кивком головы. Говоря со страшным трудом и не менее страшным акцентом на певучий манер, он все же говорил вполне сносно, хотя предпочитал там где можно вообще не говорить, обретая восточную философскую мудрость, заключающуюся в молчании.. – Почему бросили экипаж?? – Шеф, мы кровью искупим, – проговорил Дармаглот с простой интонацией, заранее заготовленную фразу, как если бы сказал: «Просто было много фараонов...»

Чтобы не допустить того, чтобы Картуш вспылит, вошедшие состроили на своих лицах лицемерные выражения страха. Провал был действительно не шуточным.

– ... И вы искупите! Вы искупите!

– В той партии был чудный опий?

– Шеф, мы еле сами ноги унесли, – взмолился китаец, молитвенно сложив руки, – Мы не виноваты...

– А кто виноват, я говорил вам менять маршруты и больше у того фонаря не заворачивать?... И сколько я должен купцу за груз, да и за транспорт?

– О, шеф, – вступился Дармаглот, – Лучше о деньгах забудь, не трави душу ни себе, ни людям.

– А ты, что скажешь? – обратился Картуш к китайцу.

– Я думаю, замнем это дело.

– Замну и взыщу, и не забуду как вы меня ни слова не говоря бросили...

– Ты сам не маленький, как тебя за ручку выводить?

– Ха! Просыпаюсь, головой чуть не проломил стенку, ничего не понимаю, никого нет. Хватаю мешочки, сваливаю. Ну, какого? Предводитель вам на что? Как дурак с мешочками бегал, – возмутился уже серьезно Картуш.

– И от кого вы бежали? При чем самым наипозорнейшим образом! Парень так помог хорошо.

– ...Глянь! – указал Саидке на диван, который Картушу помог раздвинуть Дармаглот.

Переглянувшись они перевели взгляд с груза в полной целостности и сохранности лежащего перед ними, уставились на своего шефа.

– ??

– Я думаю что это любезный подарок предводителя (в данном случае имелся ввиду министр полиции), так что лазутчика следует убрать, и этим следует заняться тебе Саидка, поупражняйся на нем немного смертным боем.

– Где он есть? – спросил Саидка посуровевшим тоном.

– В яме, я назначу время потом. Сейчас есть дела поважнее. Есть на примете хороший особнячок, – делился своими планами вслух Картуш. – Четыре тысячи просят, в хорошем месте. Прейскурант будет. Карконта за него кругляк обещала.

– Прейскурант – это клиенты?

– Это проценты... «Какой у меня сброд разноликий».

– ... Э, стоп друзья! Диван в зубы и вперед, можно с песней.

Провинившиеся схватили ухабистый диван, и насаживаясь, понесли его вниз, как выразился Картуш «меблировать» храм любви.

Вытащив диван во двор двое несущих попятнулись к конюшням, что находились поблизости. Опускать не разрешалось и посему им пришлось ждать, когда Картуш преспокойно выведет на середину двора рыдван и откроет вместе с дверцей часть самоотдвигающейся стенки в корпусе.

«Упаковавшись», рыдван тронулся в совсем другую сторону, чем ожидалось. Они проехали узкий проход между боковой стеной дома и сараями, прижатыми к внешней стене, и далее углубились в обширное газонное пространство, к тому месту, где стены сходились к неприметным на первый взгляд воротцам, за которыми тянулся узкий проход, выполненный двумя параллельными друг другу стенами той же блочной конструкции, и дорогой, зажатой этими стенами до самых следующих ворот.

За всеми этими сооружениями, как дряблой паутиной окутавшими всю эту забытую местность, далее шел старинный запущенный сад, через который пробраться на дорогу было весьма трудно, но достигнув цели поехали в большой Париж, успев попасть туда еще до закрытия застав.

По пути им предстояло еще заехать к домику художника, где взять рулон бумаги, а также заехать по пути еще в одно место – освободиться от дивана, далее безостановочно направившись в кафе де Пари.

А в это время: во дворце министерства полиции, в своем рабочем кабинете граф д`Аржансон принимал у себя лейтенанта полиции Зэрука, того самого, который принял Франсуа и Рено – за бандитов Картуша, и даже за него самого.

И застаем мы их в то самое время, когда они оба что-то пишут. Лейтенант Зэрुक давал подробнейшие письменные показания обо всем что произошло в ту злосчастную ночь, описывал приметы людей, собирал в памяти все, что могло считаться важным и полезным. Министр же полиции тоже писал, но уже свои выводы, в папке по делу Картуша и его банды.

Когда Зэрुक кончил писать и подал свои показания, граф д`Аржансон, не читая вложил исписанный листок в папку, которую сразу же захлопнул. Необходимости ознакомиться с показаниями не было, так как слышал уже исповедь опростоволосившегося лейтенанта.

– И все же как вы так могли ударить лицом, как говорится: в грязь, в обоих смыслах, месть Зэрук?

Лейтенант покраснел ушами и счел нужным улыбнуться над издевкой.

– Не хотите на этот вопрос отвечать, вот вам другой: вы знаете, что такое опий?

– Слышал что-то краем уха... извините. На востоке это, но не знаю...

– Уже и здесь на западе.

– Значит я такой гадостью был усыплен?

– А знаете ли вы из чего делается эта гадость?

– Боюсь ошибиться, ваше сиятельство.

– Из мака, и скорее всего вы были усыплены именно французским маком, я так подозреваю. Так что я ставлю перед вами задачу разыскать плантации мака, раз уж вы заучаствованы в этих делах и сведущи.

– Что могу и не могу, сделаю, ваше сиятельство.

– Мне кажется вам понятно, что разглашать то, что вы ищите не следует. Несколько взмахов косы и лавочка свернута. Сначала следует обыскать окраины Ла-Шапель, Ла-Виллет и Бельвилль, а также сельскую местность близ них. И еще, вы должны иметь ввиду, что все-таки опий может поступать извне, от восточных купцов... хотя не это ваша работа, этим займутся отдельно... Вот я выписал вам санкции... Дальше, двое ваших подчиненных так и останутся при вас. В главной конюшне полицейского управления вы получите экипаж. Начинайте прямо с завтрашнего утра. Многие малые сады осматривайте через ограды, и предупреждаю вас, следует искать не красное марево, а чаще всего зеленые или сохлые головки на тонких стеблях, и еще, нужно всегда смотреть на самую землю, от маков всегда остается стерня. Вообще-то, как вы знаете, маки сеят небольшими участками, но только не думайте, что опийные маки это тоже самое, что на булках и в присказке: «Сто лет Бог мака не родил, никто с голоду не помирал», Опийный мак имеет свои отличия. С гербарием ознакомьтесь потом, а пока садитесь-ка, ознакомьтесь с делом Картуша, иначе, если вы не ознакомитесь с «практикой» этого типа вы никогда не сможете даже встать у него на пути.

Рыдван в коем находились Саидка, Дармаглот и Картуш остановили неподалеку от кафе де Пари, нельзя сказать, что в темном месте, так как то была улица Елисейские поля, полностью залитая светом, и в частности светом знаменитого вышеупомянутого кафе, в котором собирался цвет золотой молодежи и вообще высшего дворянства.

Саидка и Дармаглот были уже приодеты; а их шеф остался сидеть и наблюдал за ними из смотрового оконца.

Свет, музыка, разговоры, танцы, сцена – вот что собой представляло преуспевающее в то время кафе.

Войдя первым, Дармаглот возвестил:

– Индийский факир Ибн-Саид.

Все взоры поворотились и обратились на вошедшего в восточном одеянии Саидку. Подходя ближе к сцене, а значит к публике, Дармаглот стал разворачивать рулон бумаги.

– Может ли быть такое? – спросил он.

– Убирайся отсюда, шарлатан несчастный, – крикнул кто-то из зала, – Пусть сегодня царит кан-кан!

Конечно, на хорошеньких девушек пляшущих с подниманием ног, а значит и с возможным задиранием юбок, смотреть было куда веселее, но разрядка нужна и веселью, тем более

что циркачи предложили такой номер, от которого захватило дух, и затихла музыка, которая предоставила тишине быть аккомпанементом представлению.

Дармаглот продолжал:

– Можем даже дать посидеть на животе. Только просьба ногами не раскачивать, я ужасно этого не переношу!!!

– Такое не может быть, – проговорило несколько голосов.

– Такое будет... но, господа, – не за просто так. Раз уж кафе это Пари, то и давайте заключим пари. Пять тысяч с каждой стороны. От нашей мы ставим это бриллиантовое кольцо с перстнем... о-о, с камнем.

– Идет! Идет! – закричали восторженные голоса, желавшие в этом скучном разнообразном мире хоть один раз увидеть чудо, вовсе не думая о кольце с поддельным бриллиантом.

Дармаглот уже направлялся им навстречу с колпаком-цилиндром твердого картона, быть может, раннего прообраза христоматийного головного убора буржуазии.

Из гущи зала вылетел тугий кошелек и точно вцепился в отверстие цилиндра, чуть не выбив его из руки держащего. Впрочем, Дармаглот был готов к приему и даже немного подставил; иначе старому подвыпившему барону Монморанси не заплотировали бы со всех сторон за такую меткость в такие годы, а главное за молодецкие замашки.

В подражание ему в Дармаглота полетели еще два кошелька, но только первый был с трудом, но пойман цилиндром, как сачком, другой же пришлось поднимать с пола, поднимая этим всеобщий смех.

Более никто не кидал, и Дармаглот, как прозрачная тень пошел по столам самым настоящим образом побираться, всем своим видом, а также и протянутой рукой с цилиндром, вымогая деньги, в которых ему никто не мог отказать, дабы не впасть в неловкое положение. Впрочем, большое исключение составляли дамы, в обыкновении которых никогда не входило платить на ветер и не платить когда рядом могут заплатить мужчины. Глядя на дамское платье, невозможно подумать, что у ее обладательницы могут быть деньги.

Поэтому, подумай Дармаглот о том, что можно протянуть свой цилиндр даме, он бы сам очень удивился этой своей мысли, как чему-то не совместимому. Он даже и не замечал присутствия самих дам, замечая лишь наряды.

Переходя от столика к столику Дармаглот на глазах наполнял цилиндр благородным металлом, и казалось, чем больше собиралось золота, тем с большим удовольствием накидывали еще.

Перейдя к следующему столику, Дармаглот неожиданно обнаружил перед собой герцога Орлеанского, сидевшего в окружении барона Монморанси и графа д'Олона, от которых он попятился в низжайшем поклоне и тем более низжайшем для него самого, оттого что низко нагибался он без всякой на то привычки. На общество его судьба забросила впервые в жизни.

Саидка стоял как каменный на сцене и с беспристрастностью восточного мага взирал на все происходящее, заложив руку за руку. Номер его программы назывался человек-лавка, о чем свидетельствовала надпись на развернутом рулоне бумаги.

В кафе оказалось много богатых и щедрых посетителей, поэтому Дармаглот вернулся с чуть ли не полным цилиндром собранного.

Цилиндр был если и не убран, то поставлен от глаз как можно дальше, дабы не дразнил.

– А теперь, сиятельные господа, смотрите! Человек-лавка!

Принесенные ранее два стула были раставлены друг от друга на расстояние роста Дармаглота.

В течение следующего времени зрители воочию убедились, что такое возможно: Дармаглот загипнотизированный Саидкой, опираясь на спинки стульев лишь ступнями и краешком головы, тем не менее находился в горизонтальном положении, даже когда на него посадили мальчика пажа.

Номер состоялся, но чудо – нет.

Стоявшие у стекол кафе кучера и прочие слуги, после просмотра программы в большинстве своем отошли подальше, не отошел лишь Рено, внимательно приглядывавшийся к человеку, свершившему таинство, а в особенности к тому, кто только что встал на пол.

Мальчишка-паж в своей роскошной ливрее был также воодружен и оставлен в висячем положении. Он восторгов вызвать больше может быть потому что от него не ожидалось обмана, и еще потому что заостенев, мальчишка побелел и был похож на покойника. Саидка после требования посадить на него кого-нибудь и после требования «не надо», выхватил одну из танцовщиц и несмотря на ее визг подвел к месту действия.

– Не хочу на костяного! – артистично закричала она снова, когда Дармаглот, залепив ватными тампонами уши мальчику-лавке, отошел в сторону.

Из-за столика раздался более неуместный и даже пошляцкий выкрик возбудившегося франта, своим привставанием перекосившего многих.

– Женить их!

Еще более повторный дурной крик танцовщицы.

– Не хочу за костяного!...

...Вызвал бурю хохота даже на улице, и в частности у Рено.

Когда же танцовщицу все-таки усадили, то недолго просидев она свалилась с бедным мальчиком на пол.

– Верим! – не унимался нализовавшийся фронт, несший заплетающимся языком все что приходило на ум. – Такая и на бревне бы не усидела...

Пока все слушали говорящего, Саидка и Дармаглот вместе с цилиндром незаметно исчезли с поля зрения. Рено, отпрянул от стекол, направился в одному ему ведомую сторону.

У рыдвана шарлатанов поджидал Картуш.

– Шеф, прошу вас, – взмолился Дармаглот, – вам только пять.

– А тебе нечего волноваться. Успокойся, – говорил Картуш, забирая цилиндр «буржуа». Сколько получишь столько и получишь. Отваливай. К тетке Карконте!

Подсчет «навар» велся здесь же в рыдване при свете фонаря и во время качки.

– Я представляю зверскую рожу Дармаглота, это же надо столько собрать, ну бессовестный ты вымогатель.

Картуш стал досчитывать золотое содержимое кошель.

– А это герцог Орлеанский выложил? В Версале узнают какой он мот, так Монтемон к себе близко не подпустит...

– ... Значит как договорились, пять тысяч мне, остальное вам.

В ответ недовольное молчание.. – Не страдайте, так уж и быть по пятьсот получите.

Громоздкий экипаж, ведомый Дармаглотом, в прошлом уличным гаменом, а потому досконально разбиравшемся в пути, уверенно ехал по темным улицам.

Доехав по улице до дома называемого «Паламбула» Картуш слез, отправив Саидку и Дармаглота на место, откуда они приехали.

Улица, на которой он остался совсем один, была в традициях таких улиц полностью затемнена, так как почти не имела постоянных жителей, но будучи заставленной все больше отличными домами и домиками, отнюдь не была заброшенной. К публичным домам, которые располагались в одной стороне этой улицы, никогда не забывалась дорога.

В одном конце тихая (в котором и находилась Паламбула), в другом конце улица была более чем многолюдна от стоящих в выжидании размалеванных красоток, проходя возле которых Картуш вряд ли мог не обратить на них внимание. Шел самый гнусный торг и выбор.

В одном из темных углов на заднем плане стоял господин, торговал еще молоденькими дочерьми. Интересней было даже глянуть на самого господина, чем на девушек в неброских легких платьицах. Все отвратительное привлекает: мелкое живое лицо с прямыми грязно-желтыми волосами, зачесанными назад, представляло собой лицо обыкновенного мерзавца, гадкого на словах и отвратительного в делах.

Стоящие на бульваре девицы, выразительно глядели на Картуша, вызывающе старались преградить ему дорогу, но уличным девкам, он предпочитал знакомых жриц из храма, именуемого «Паламбула», куда сейчас и направлялся.

Наконец пробравшись, вошел в двери при помощи собственного ключа; поднялся по лестнице к настоятельнице публичных домов, уже упоминавшейся Карконте – мощной грузной старухе, от вида которой веяло силой и напором.

Та ужинала и никак не ожидала вторичного, столь позднего визита. Свою неподготовленность решила исправить тем большим гостеприимством, подогреваемым еще и тем, что очень много задолжала.

Усаженный Картуш, почти тут же получил приборы, а затем и присоединился к ужину.

– Как поживаешь? – услышала настоятельница вопрос, не предвещающий ничего хорошего.

– Да, что уж там... расхворалась.

– Я не об этом, доходы какие?

– Какие доходы, одни убытки.

– Ты, надеюсь, не забыла, сколько мне должна? Тысячу восемьсот только по набевшим процентам за этот месяц и плюс за девчонку сто.

– У меня нет таких денег... А девчонку твою так и некуда пристроить, живет и обедает только. Свободных номеров нет для нее. Вот покупай скорее дом...

– Ты еще протянешь немного, и тебе этот дом мне продать придется. Ты думай, дура, какие проценты набегает. А я шутить не буду, быстро всего лишишься... Небось припрятала тышчонку-другую на черный день.

...Так, повытряхивай свои кубышки...

– Кого там, какие кубышки? Неужто я не понимаю... Что было, все тебе в долг ушло. Все выбрал. Лучше бы я и не брала твои дома, слишком от них я мало получаю. Только этим домом и держусь. Сейчас ни су.

– Ну, да! Такая тишина и у нее вдруг навару нет. Смотри же, я предупреждаю тебя по Гомеру: «Грядет возмездие, настанет час расплаты».

– Ох, не пугай, милый! Пуганая я. Вон девки какой мне скандал устроили. Взбунтоваться дуры решили всем скопом. Так живо всех разогнала.

– Ты сыкономить на них решила? Смотри как бы больше не потеряла. Не оберешься неприятностей от их цеха. Разбегутся, потом не соберешь.

– Ох, заткнулся бы ты. Без тебя тошно.

После установившегося на минуту затишья в прениях, Картуш спросил:

– Что ты мне скажешь на счет дома?

– Что я могу сказать, как было четыре двести, так и осталось.

– Прошлый раз ты мне меньшую сумму называла. Ну, так что: даешь три тысячи в год?

– Восемьдесят процентов? Даже и не думай. Устала я уже от этих домов. С него хлопот не оберешься. Хватит меня как липку обдирать!

Сжав в злости губы, Картуш оглушающим ударом заехал Карконте по уху.

– Хватит препираться, сиплая карга! Как говорю, так и будет! Будешь дергаться – сейчас же по вексям платить заставлю.

– Не стану я платить, и судом не вытянешь.

– У меня свой есть суд, быстрый! Прирежу! – проговорил Картуш со скрежетом зубов, поднося к ее горлу неизвестно откуда взявшийся нож. Своевременная угроза успокоила старуху и она решила далее не препираться.

– Дура, ты на этом доме чистоганом получать будешь. Я даю тебе возможность из долгов вылезти. Сколько пар мучается, что встретиться негде! Запомни, отсталая: начинается эра рогоносцев. Да, тебе только так отваливать будут. В таком тихом месте такой домик, как картиночка.

– Ладно, будет тебе на мозги капать. Заливать ты умеешь. ... Только шестьсот.

Картуш уставился на нее, долго думая к чему может относиться эта цифра? Когда же ему дошло, что – к четверти года, хотел было набавить, но затем решил, что и остальная часть дохода пойдет к нему в карман...

– Хотя, даже нет... Смотрителю³ платить.

– Его я приструню, тем более ты дом арендуешь! Мне из-за твоей скаредности за базу следующий пай вносить нечем! Ты, я вижу, в конец меня извести хочешь?! Я чувствую, ты с такими взглядами на жизнь донос фараонам на меня накатаешь! Стерва подколотная... Так!!?

– Ты не ори! Не ори. С гонором нашелся. Видали таких, брось глотку драть. Давай обсудим по хорошему, выпей, – наливала Карконта вина в стакан, глядя на молодчика. Лицо Картуша приняло совсем другие черты: нос и подбородок обвисли и стали, как картошка. Изменять выражение лица до неузнаваемости, так же является необходимым мастерством для преступника.

³ [1] Смотритель публичных заведений или иначе говоря домов терпимости (должность)

– Ты смотри мне, – продолжал горячиться Картуш, – Если что, я и тебя с собой потяну!

– Не бойся. Я своя. Что ты выдумал? Ты мне как сын родной теперь стал. Разве ты забыл, сколько ночей у нас с приятностью провел?

Картуш чокнулся с ней стаканом...

К ним вошла заспанная Николь.

– Я побежал, а утром зайди, я поговорю с тобой на счет одного открывшегося дела. Сразу говорю двадцать процентов мои.

Дармаглот, очень уставший за этот день, решил сократить дорогу до базы тем, что выбрал путь не в объезд, а с улицы, да и погнал к тому же быстрее, иначе без встряски так бы и заснул на ходу с возжами в руках.

Подъехав к воротам, ссадил Саидку, чтобы тот открыл их ему для дальнейшего проезда, что тот и сделал, далее устремившись к дверям дома.

Рыдван же, ведомый Дармаглотом, проехав перед фасадом, свернул налево в проход и еще левее к конюшне, ворота которой так и оставались открытыми.

Рыдван медленно стал въезжать во внутрь. С его высокой крыши из углубления для вещей встал во весь рост темный силуэт человека и по ходу осторожно залез на крышу сарая.

Глава III. База

Светлое утро и чистый лазурный небосвод указывали на то, что день будет очень и очень приятным, даже жарким, что очень желательно после затянувшихся дождей. Помимо этого, яркий солнечный день стимулирует к росту молодую растительность, которая во время интенсивного роста своей свежей яркой зеленью, так радует глаза.

Однако же пока такой день еще только начинался, к началу которого, если трава уже и была в полной силе, то кусты еще не оделись, а порою стояли просто-напросто голыми.

Меж стен: цельных и двупольных по горизонтали составленных из плит или же меж каменных оград, коими были иссечены многие места той местности, повсюду заключенные в какие-либо рамки, находились либо пустыри, заросшие сухостойной травой, но чаще всего запущенные сады, отчего и сами стены приобретали запущенный вид.

Особенно много всего напутанного, в том числе и полностью запущенная усадьба, находилось возле огороженной от этого ровным зеленым пространством называемой «базы». От узкого прохода меж стен в бурелом заросшего сада, по которому все-таки проходила дорожка, и от ворот отходило множество дряблых стен, отделявших друг от друга никому не нужные труднопроходимые участки, отлично маскировавшие то, что за ними находилось.

Поэтому не удивительно, что в дебрях этой запущенной местности, соседи друг друга не знали в лицо, потому как тут никто и не жил, за исключением того домика, где с недавнего времени проживала молодая хозяйка и старая служанка. Но то всегда явление временное и непостоянное.

Единственное место, где хоть как-то поддерживалась жизнь, являло собою зеленый ухоженный остров, именуемый метким коротким словом: база.

Заправляла всем несложным хозяйством базы немая старуха – недостаток, благодаря которому она и была взята на службу. Богом забытая, (которую часто так и называли) она никого не интересовала и касательно ее не могло возникнуть никаких неприятностей. Старушка никогда ни при каких обстоятельствах не покидала территорию, хотя это ей и не запрещалось, да ей и не нужно было никуда уходить; все, что требовалось для ведения хозяйства, медлительное воплощение старости получало извне.

На ней лежали обязанности кормить лошадей, а также и собак; управляться по дому, содержать оный в чистоте, готовить и прочие-прочие мелочи. Именно так старушка и жила, безропотно выполняя все, что ей прикажут, довольствуясь лишь тем, что ее не выгоняют в мир, где ей суждено погибнуть, либо же уготовано, на лучший случай, место нищенки.

В то утро старушка как обычно проснулась рано, возилась по хозяйству, пока Саидка и Дармаглот спали.

В ворота постучали, и она, бросив кормить, бегавшую всю ночь по двору собаку, тут же пошла открывать, совсем не интересуясь кому, так как никогда не задавалась таким вопросом, ведь за долгое пребывание ее на базе ни разу не было такого случая, чтобы стучались не свои

люди. И поэтому увидев перед собой полицейских, она растерялась и даже как будто что-то простонала.

Двое служащих, из тех чья сейчас была очередь, (оставшаяся в кэбе пара осматривала предшествующий двор) без разговоров со спокойной самоуверенностью, присущей только полицейским прошли во двор, игнорируя старуху.

Залаяла собака, имевшая как будто ту же антипатию к мундирам, что и хозяева. Истошный громкий лай пробудил спящих.

Первым вскочил и выглянул в окно с задней стороны Саидка. Двое полицейских уже направлялись по дорожке к середине поля на задней стороне.

– Стреляй! Рывок! Шибко!

С замиранием сердца наблюдал как беседующие полицейские лишь глянули на решетку кирпичного колодца с локоть вышиной. Дармаглот, увидев это, запаниковал.

– Скорэй наводи шухер. Колодец не заклали!

Кое-как натянув на себя, что попало под руку на ходу, выбежал вслед за Саидкой из дому во двор, где никого не оказалось. Путь открыт.

– Сейчас он засветится, – проговорил Дармаглот на счет узника.

– Выходим под любым предлогом.

– Куда?

Они торопливым шагом прошли возле растерянно стоявшей старушки, вошли в открытый в воротах проход: наскочили на троих полицейских, поджидавших возвращения своих коллег.

Не успел Дармаглот кинуться обратно, как Зэрук видя по решительному настрою хозяев, то что они собираются поднять скандал, предупредил их от излишних волнений.

– Не беспокойтесь, перепись имущества: садов, домов и прочих построек. Кто из вас владелец виллы?

Саидка, чтобы избежать дальнейших разговоров со своим мягким акцентом, указал на Дармаглота, а тот не видя этого, поспешил кивнуть на Саидку.

– Он.

– Так кто из вас?

– Я покупал, – нашелся Саидка.

– В общем вы тут занимайтесь своим делом, а нам нужно спешить, – сказал Дармаглот, спиной чувствующий, что сейчас сзади прибегут.

– Подождите, осмотрим сад.

– Его нэт! – развел руками возражавший и так же напористо вслед за Саидкой прошел сквозь полицейских, далее устремившись за ним в правую сторону к заброшенной вилле, соседствующей с базой. Пробравшись через виллу, можно было попасть в дебри сада, откуда на дорогу и далее.

Многое Зэруку показалось подозрительным, в том числе и походка просквозивших личностей и народность одного из них.

Скрываясь за углом Саидка глянул назад и остановился как вкопанный, что-то забормотав себе под нос. Дармаглот было потянул его за собой, (до места где можно было скрыться оставалось совсем ничего), но Саидка продолжал смотреть в сторону удаляющегося полицейского кэба.

Позже, когда они вернулись обратно, из того же окна на втором этаже Дармаглот имел возможность наблюдать, как Саидка стоит недалеко от заложенного дерном колодца под цветник и задумчиво на него смотрит.

Не успел бесшабашный Дармаглот снова лечь и заснуть, как Саидка вернулся:

– Ты вчера не закладывал?...

...«Богом забытая» тоже не закладывала...

Дождались прихода Каргуша, в обыкновении которого было появляться на базе неожиданно через поле, а еще раньше через вымоину под стеной прохода, на первый взгляд совершенно незаметную, скрытую и с внешней и с внутренней стороны кустарником.

– Шэф, дела были странные.

– Что стряслось?

– Сюда полиция навевалась, по-видимому что-то искали...

– И решетка конечно же была не заложена!

– Все обошлось, – поспешил успокоить его Дармаглот, – Отсидчик не пискнул.

– Ну молодец! Что еще скажешь. Второй раз входит в наше положение. Он решительно мне начинает нравиться.

– Но кто заложил колодец? – спросил вдруг Саидка.

– ... Из вас значит этого никто не делал, а карга?

– В подозрении остаются только полицейские, – пролебезил Саидка сильно смягчая звуки.

– А что они вообще сюда приперлись, под каким предлогом?

– Описывали имущество. Кстати, этим Зэрук занимался, – проговорил Дармаглот.

– Он!?!... Один момент мне начинает проясняться... А что, не может быть так что нас здесь накроют? База засветилась значит...

– Мне кажется, что как раз нет. Сам лейтенант Зэрук сюда не входил. А старуха показывала что все хорошо.

– Да на Зэрука это не похоже, найти и бросить. А этого я думаю хлопнуть лучше всего будет, на всякий случай.

Они все втроем направились на поле, к колодцу замаскированному под клумбу, раскидали дерн, осветили в темноту фонарем.

– Жив еще? – спросил Картуш.

Франсуа поднял голову, его один глаз был красным от натертости. С первого же взгляда на него Картуш усомнился в том, что следует спешить.

– Кто заложил решетку, скажи?

– Кто, кто. Вы конечно! Кто же еще.

– Кто из нас?

– Откуда я могу знать. Я проснулся-то только когда мне насыпалось в глаза...

Естественно Франсуа мягко выражаясь говорил не то что было на самом деле, иначе-врал. Кому как не ему было знать от кого его скрывал Рено...

Рено после того как зашел с крыши рыдвана на крышу сарая конюшни, просидел там всю ночь, сделав лишь одну небольшую вылазку, когда собака забралась в дальний конец поля. Не найдя ничего примечательного во дворе, проникнуть каким-либо способом в дом не решился, хотя и посчитал, что Франсуа мог находиться только там.

Когда стало светать покидать своей позиции на крыше сарая не стал, это всегда можно было успеть сделать, лишь отползти назад и перелезть через выступающий край стены, в которую упиралась конюшня стойлами. А обнаружить его там не представлялось возможным так как на противоположной по проходу боковой стороне дома не было никаких окон: от всех же остальных мест его прикрывала покатая крыша, и он мог с нее прекрасно все обозревать не будучи увиденным.

Рено решил наблюдать за домом, полагая что только так может раскрыть загадку исчезновения Франсуа и разузнать о причинах, из-за которых он не явился к кафе де Пари, где они улаживались встретиться.

На второй вечер (с ночью) дежуря у этого самого кафе, Рено заметил вдруг подъехавший рыдван до страшного похожий на тот, на котором уехал Франсуа. Двое антракционистов-иллюзионщиков ему так же показались чем-то знакомыми. Кабриолета рядом с ним под руками не имелось, поэтому Рено пошел на крайнюю меру: дождавшись когда рыдван тронется и с тряской и грохотом медленно покатит, осторожно как только мог, залез с багажника на крышу.

Лежа на животе, распластанным по неровной поверхности крыши, вспоминая события ночи Рено слышал скулеж собаки; по проходу прошаркала старушка с метелкой.

Недолго находясь на задней стороне дома, подмела у дверей, далее пошла по полю к тому месту, которое Рено сначала и не приметил. Подойдя к выступу кирпичного колодца старушка заглянула через край и опасливо засемила назад.

Рено все понял.

Старуха прошла в дом и все не появлялась, но Рено даже и не подумывал о том чтобы сходить к решетке предупредить узника. Одновременно он обдумывал план действий на этот вечер.

С высоты сарая можно было наблюдать не только внутренние дворы и поле базы, хорошо обозревалось также и большое пространство за стеною, в том числе и значительная часть улицы. Собираясь покинуть свое наблюдательное место, занес уже ногу за стену, как вдруг заметил черный кэб с полицейскими... которые самовольно осматривали чью-то виллу.

Наблюдая с некоторое время за ними Рено приметил старых знакомых... оглянулся на колодезную решетку. Во дворах никого не было и поэтому Рено невзирая ни на что бросился к интересовавшему его месту.

Сначала заглянул вниз: так и есть там лежал Франсуа... Тихо позвав его он глянул на запоры мертво удерживающие решетку. Нечего было и думать, что можно пистолетным выстрелом сбить стальные скобы. Тогда заметив рядом квадраты земли скрепленные цветочной травой, а еще больше деревянным дощатым подносом, стал ими закладывать решетку одновременно и заглядывая сквозь прутья, и поглядывая в сторону дома с единственным окном на втором этаже, первый скрывался дровяником.

Рено пришла в голову нехорошая мысль и он волнуясь спросил в темноту:

– Франсуа, ты спишь?

– Лучше бы я спал, ты мне засыпал все глаза.

– Сиди и молчи, до встречи!

Собака уже полаевала на него и поэтому Рено поспешил обратно к стене.

Отходя от решетки колодца Картуш нехотя проговорил Саидке и Дармаглоту.

– Кстати, его можно будет задействовать на рытье, – глянул на ближайшую стену, – Подвалы еще не готовы... Так что ты дай ему соответствующие инструменты, пусть роется, в общем займись этим... А сейчас пошли залепим в дуло, – проговорил Картуш на арго выражение, которое в смысловом отношении выражало совсем другое. Проходя возле дровянных, Дармаглот полез за инструментом.

– Не забудь о жратве, он тоже не эпический.

Глава IV. Преступность обдeldывает дела

В следующий раз Картуш, Саидка и Дармаглот все вместе собрались у колодезной решетки лишь темным вечером.

– Справился я насчет Зэрука, – говорил Картуш, – Пронесло, он ничего не собирается делать...

Внизу на дне колодца при тусклом свете фонаря, Франсуа опершись коленями на кирпичи, держа в руках длинный лом вгрызался им в породу, гремя о камни.

Спокойно и монотонно работая совершенно не обратил внимание на собравшихся наверху, чем возмутил Картуша.

– Ты! – рявкнул он. – Кто ты есть?

– Раб божий – обшит кожей, – тихо ответил Франсуа.

– Имя, и кто ты такой?

– Эртени, если хочешь, – поднял на короткое время голову.

– Как ты оказался в экипаже с опиумом?

– Честное слово, ребята, – проговорил Франсуа прикладывая руку к сердцу, – Я только хотел спросить как добраться до туда-то и до туда-то.

Картуш снова подозрительно переспросил и не получив более конкретного ответа, по прошествии некоторого времени, когда Франсуа собирался уже сказать ему то, что заготовил заранее, злобно крикнул:

– Ты сейчас сдохнешь, помолись напоследок!

Франсуа, не без волнения, снова глянул вверх и увидел что тот кого звали Дармаглотом спускает на веревке бронзовое распятие.

Дармаглот раньше в свою бытность, был церковнослужителем. Один случай послужил причиной того, что он сошел на преступную стезю: – его обокрали.

Франсуа отверг крест и чувствуя что намерения преступников серьезны, напомнил о случае с заложеной решеткой, не собираясь безмолвно принимать смерть.

– Ну, и чем же ты это объяснишь? – спросил Картуш.

– Это тонкий намек. Вам дают понять на счет меня. Сзади!!! – ужасающе крикнул он, а затем спокойно добавив, – ... Страшно было?

– Ну, ты хам-человек, – перевел дух Картуш, – сам как на блюдечке, еще и пугает.

Картуш внял небезосновательным угрозам и поэтому Франсуа вскоре с облегчением почувствовал, что его оставили одного.

Они втроем подошли к конюшне, продолжая разговор остановились.

Послышался скрип петель открываемых ворот. Заржали лошади.

Все это было хорошо слышно за стеной, где находился только что подошедший Рено. У него за поясом были заткнуты как кинжалы пилки с деревянными рукоятками; а в руках имелся моток прочной веревки – за всем этим Рено и отправлялся на целый день в город, вернувшись, как и намечал только в темное время почти ночью.

Еще издали пробираясь через заросли, он слышал возню в сарае, говор людей. Решил узнать в чем дело? По расщелинам в стене залезать было трудно и не всегда удавалось с первого раза, поэтому он завязал на конце веревки петлю и закинул на выступающую конусообразную вершину цементного столба, в который вставлялись по две горизонтальные плиты с каждой стороны.

Несмотря на то что в составленной таким образом стене имелись щели, они никакой видимости не давали, так как по-видимому с внутренней стороны были чем-то заложены и от них совсем не веяло сквозняком.

Упираясь ногами и подтягиваясь за веревку Рено мигом взобрался на гребень стены, закинул ногу. Осмотрелся.

Перевалиться далее на доски с фанерой пока не решился, дабы не привлечь внимание тех, кто находился почти под ним. Впрочем ему и отсюда было все видно и все слышно.

– Пытать будем? – послышалось внизу.

Следующую реплику (Картуша) Рено не расслышал, так как произнесена она была уже внутри кабины рыдвана за закрытыми дверями.

Заскрипели колесные оси и экипаж медленно откатил к воротам переднего двора. Дождавшись когда все стихнет, поменял неудобное висячее положение на лежачее. Подполз ближе к краю оглядел все что мог – никого, тишина и покой. Даже собака на привязи перестала скулить.

Еще раз прислушавшись Рено отполз ногами назад, слез наземь, осторожно побежал к колодцу, добежав до которого сразу же улегся за ним с дальней стороны.

Единственное окно с задней стороны дома светилось и поэтому он не мог быть замечен... Вспомнил, что забыл веревку, но тут же рядом обнаружил другую веревку (с незамеченным им бронзовым распятием на конце).

Облокотившись на край глянул вниз.

– Эй, Франсуа... Франсуа!... – многократно позвал он шепотом.

В ответ никто не отозвался. Приглядевшись Рено заметил что-то светлое у края стены. Исходящий свет ничего не освещал и поэтому сразу затруднительно было догадаться в чем дело? Эти блики Рено соотнес с пришедшими ему на голову мыслями о догорающем фонаре, оставшимся после того, как Франсуа уже оттуда вытащили...

Рено сильно забеспокоился за жизнь Франсуа. Куда его могли увести? Могли выпустить, но могло и случиться самое страшное...

– Франсуа! – крикнул уже нервничающий Рено, но ответа не дождался.

«Неужели все! Упустил днем, не успел», – разгоряченно думал он, вставая на ноги и направляясь в сторону дома. Сначала Рено решил привезти сюда полицию, но прежде задумал ворваться в дом и допытать всех тех кто в нем оставался.

Тем временем Франсуа продолжал себе рыть, следует заострить внимание на том, что рыл он именно себе: под резким уклоном вверх, а не прямо, как того от него требовали. Шума он не производил никакого и потому не был услышан. Сам же не услышал ничего только потому, что был занят работой и все внимание его было отвлечено на то, чтобы не засыпаться землей.

Рено тем временем немного успокоившись, подумал что сильно-то шум поднимать не стоит, да и собственно говоря нечем. У него с собой кроме пилки ничего и не было. Пистолет он потерял, лазя по труднопроходимым местам.

Дойдя до угла дома, выглянул.

С дальнейшими шагами нужно было быть поосторожней, могла накинуться собака, но если в доме оставалась только одна бабка (что было крайне не желательно), то бояться было совершенно нечего.

Дверь дома неожиданно вдруг стала открываться. Рено опрометью бросился назад, добежав до конюшни скрылся в ее темноте, сразу же пожалев об этом.

Из дома вышли Саидка и старуха. Саидка вез с собой тележку.

Проходя возле распахнутых настежь ворот, они даже не глянули в его сторону. Тут он подумал что скройся он за углом конюшни, то сейчас бы был непременно обнаружен и кто знает чем бы кончилось его нападение с пилкой.

Саидка и старуха далеко не пошли, а остановились у первого же дровяника.

– Дрова-труха, загнили...

Через некоторое время старуха и Саидка вернулись уже с дровами, опять даже не обернувшись на затаившегося Рено. Все обошлось.

Когда тревога спала и все снова стало спокойно, Рено спокойно вышел, зашел за угол конюшни, за который он к своему счастью не забежал в первый раз. Залезши на комель бревна, принял на крыше сарая конюшни свое обычное выжидательное положение.

Ожидать следующих событий пришлось недолго, пока уехавшие на рыдване вскоре не вернулись. Собака сидевшая на цепи, бросилась лаять. Злобно зарычало и внутри рыдвана, поэтому чтобы не поднимать лишнего шума Картуш проехал вперед, пока открытый створ ворот не помешал дальнейшему проезду.

Встречавший их Саидка успокаивая собак что-то стал лепетать на своем языке, но не он интересовал Рено, хотя и видна ему была только задняя часть кабины.

Картуш и Дармаглот выводили крупных собак, одновременно успокаивая и отправляя побегать в сторону поля. Но несмотря на это один пес все-таки прорвался в передний двор и Рено воочию воззрился на его мощный корпус.

Между тем пес бросился сводить счеты с твякающей, по сравнению с его рыком собакой. Сразу же послышался жалобный визг поверженной шавки.

Люди бросились разнимать сцепившихся животных.

Рено со своего укромного места заметил незнакомого человека, одновременно он имел возможность наблюдать за разговором, наблюдать, но не слышать, правда, последняя реплика Дармаглота:

– Дубина, ты испортишь план шэфу! – отчетливо была им расслышана.

Рено думал над мучительным вопросом: где мог быть Франсуа? Ведь вполне могло быть так, что они уже умертвили и выбросили его тело. По обрывкам услышанным им фраз и по настрою людей Рено догадывался, что сейчас преступники едут «на дело», поэтому недолго думая он решился... Осторожно приподнявшись, прикрываемый стеной и темнотой, прошел на самый конец крыши, ступил с неё вниз на крышу рыдвана и калачиком свернулся в квадратном углублении, предназначенном для вещей. Для перевозки вещей на крыше были так же предназначены и приспособленные для поддержки стержневые перила по краям.

Предположения Рено оправдались. Вернувшись к рыдвану все четверо человек сразу погрузились в него и поехали вперед к полю, невзирая на собак, заметивших маневр с крыши на крышу и потому теперь лаявших.

Внутри кабины Дармаглот невнятно и весело о чем-то рассказывал на счет того, что он потом «чик» и «все».

– ... Все заткнись.

Бежавшие за ними следом лающие собаки на поле отстали от них, разбежались.

– ... Как миленький расклеится... – слышалось снизу.

Раскрыв вторые ворота они проехали по коридору и далее через противоположные ворота выехали на известный им даже в темноте путь.

Цепкие ветви били и скребли по крыше. Приходилось осторожно их приподнимать.

Выехав на свободный путь, находящийся на верху, почувствовал то, чего он никак не ожидал: начинался холодный дождь.

Небосвод все больше затягивало, так что даже примерно не было понятно: где находится луна, хотя вроде бы только что ее свет приятно ощущался.

Капанье дождя по крыше, по одежде и по лицу заметно усиливалось поэтому Рено (так же как и кучер, сидящий на облучке) поплотнее затянул на себе шнурки плаща и покрыл себя шляпой так, чтобы влага перестала попадать на шею.

Вот чего он не ожидал от сегодняшнего неприятнейшего дня, так это промокнуть до нитки – реальная перспектива, которая ожидала его, если дождь в скором времени не прекратится.

Осадки не доставляли неприятностей только тем, кто сидел внутри рыдвана, даже наоборот вселяли даже какую-то уверенность в удачном проведении дела.

Картуш при свете фонаря изучал нарисованный от руки план здания, в котором они собирались, выражаясь на своем языке словом взятым скорее из полицейских выражений «накрыть» свидание Джона Лоу с некоей леди де Гроа. Сведения о этой встрече Картуш получил от Карконты, сдавшей им один из своих домов. Вместе со сведениями от нее были получены: план и ключи от черного хода. Естественно, что идя на такой для себя риск держательница публичных домов и сама собиралась урвать за «свои труды» кусок пожирней, что помогло бы ей вырваться из создавшегося трудного положения с долгами.

Изучая подробный план здания Картуш вдруг неожиданно для себя обнаружил на задней стороне пояснения. Оказывается дом – двухэтажный! Да и к тому же разделен на две части подъездом! Ставить возле подъездных дверей человека – отменяется.

Но в остальном бесхитростная тактика действий не претерпела изменений: проникнуть через черный вход и застать женатого человека врасплох.

Чтобы не компрометировать себя в глазах общественности, тем самым не потерять ее кредит (в прямом смысле этого слова) Джону Лоу придется отвалить им крупную сумму, откупиться от неприятностей, если не краха. На тот же случай, если сии доводы на него не подействуют... в том случае придется прибегнуть к крайним мерам – то есть придется пытаться, пока дело не завершится расписками.

Для этого они и взяли с собой орудия пыток, одно из которых не оставляло на теле много явных следов истязаний. Станок представлял собой железный инструмент с двигающейся зубчатой рамой предназначающейся для зажатия каких-либо частей тела имевшимся рычагом-домкратом. Сей инструмент являлся современным (потому небольшим) прототипом орудия инквизиции известного под названием – «испанские сапоги».

Глянув из-под взмокшей шляпы, Рено увидел лицо большого города, хотя и немного подмоченное. Дождь все не прекращался. Он как-то неожиданно почувствовал себя насквозь промокшим. И даже неизвестно от чего больше дрожь пробежала по телу, от признания самого ли неприятного факта, или же от озноба.

Рыдван подъехал к «Паламбуле» у заднего входа, у которого их поджидали еще пять человек.

Как только экипаж остановился и дверца со скрипом отворилась, послышался грубый пропитый голос Карконты:

– Ну, наконец!

– По что так, под дождем?

– А-а. Тряхну стариной. Все равно узнает...

И с этими словами грузная и мощная содержательница публичных домов, ухватившись за створки с помощью рук, влезла во внутрь, сильно качнув корпус... Рено показалось что это его встряхивают...

Вслед за Карконтой в просторной, как комната кабине рыдвана, уместилось еще четверо.

И в мыслях не думая выглядывать, наоборот жавшись поглубже вниз, Рено несмотря на это все же знал численность новой группы по ощущаемым наклонам корпуса.

Примерно через пятнадцать минут скорой езды, Дармаглоту сидевшему на облучке было приказано не останавливаться, а подъезжать прямо к дверям, после чего Картуш добавил сальное замечание, от которого внутри засмеялись.

Рено никак не покидала мысль, что они приехали по делу каким-либо образом связанным с Франсуа... Вдруг вспомнил, что находясь на крыше конюшни он нашел там свой пистолет, который сейчас и находился при нем.

Осторожно стараясь не замочить под дождем Рено вытащил из-за пояса свое оружие, взвел курок, поспешно скрыл его под плащом.

Не наблюдая за тем куда рыдван едет, неожиданно заметил что они остановились перед дверью дома, у преддверной плиты.

Когда громыхание «гроба» затихло, дождь стал слышнее и на короткий миг (перед тем как открылась дверца) показалось усилился порывом.

Стали выходить, скапливаясь на площадке. Благодаря темноте Рено получил возможность посмотреть сверху вниз.

Будь среди них Франсуа... у него мгновенно созрел план: затащить наверх и выстрелить, дабы испугавшиеся лошади понесли... тут же понял всю бесполезность своих намерений: Франсуа среди них не было, да и не могло быть. Преступники собрались на совсем другое дело...

Двери стали открывать.

Дармаглот поменялся своим «мокрым местом» с одним из своих, сказав: «Ждать на месте», – и последним вошел в закрывающуюся дверь.

Глава V. Джон Лоу

В тот же день Джон Лоу нарочно поздно засиделся в своем банке и на своем рабочем месте, или как он называл: конторке; занимался обычной работой: составлял счета. Покончив с малоинтересным занятием перешел на самую интересную для преуспевающего банкира и финансиста работу: подсчитывать прибыль, то бишь подсчитывать актив и много меньший пассив, то бишь дебет и кредит.

После его ждала работа с деловыми бумагами и поздняя консультация с двумя ответственными служащими. Далее писал деловые и заверительные письма и прочее, прочее, прочее...

Краткая историческая справка о этом человеке гласила следующее:

...Джон Лоу – французский финансист, шотландец по происхождению основал банк, а так же ряд торговых компаний, имевших право эмиссии, то есть выпуска банкнот и акций. Система «Лоу» или система «Миссисипи» поражала своими масштабами торгово-финансовой деятельности в основном в Америке. Тогда же уже складывалось его детище: компания «Луизианы и Запада».

Система «фантастического Миссисипи», как ее еще называли в финансовом отношении была построена на кредите и привлекла парижан обещаниями быстрого и баснословного обогащения.

Но в сем ракурсе, претендующем на исторический, вследствие этого не может говориться о главном, чем Джон Лоу незримо повлиял на общество Франции: ведь именно его деятельность произвела на свет ту невидимо паразитическую и вместе с тем неотъемлемую прослойку населения страны, именуемую одним словом: рантье.

Однако же сделав вышеуказанное отступление – ремарку вернемся к повествованию:

Дождавшись, когда посетителей не стало, а основная часть банковских служащих ушла (за исключением тех, на ком лежали охранительные обязанности); когда всю работу какую он намечал – окончил и даже сверх того, когда пробило пол-одиннадцатого, Джон Лоу быстренько сложил все бумаги в секретере, врезанном в стену и закрыл толстой дверцей; не в силах более тянуть: сбежал по ступеням широкой лестницы вниз, одеваться, что помог ему сделать его слуга Кроэн.

– Спасибо голубчик. Ты уж отправляйся домой как-нибудь сам. Утром за мной заедет наемный экипаж, так ты отошли его.

– Куда?

– Он знает куда.

– Все будет сделано как вы сказали.

Лоу вышел из банковского здания и тут же был застигнут дождем врасплох. Стал бегом направляться к стоящему поблизости кабриолету, одевая шляпу по пути. Что-то сказал кучеру: нельзя было расслышать. Тронулись, пересекая площадь по середине и имея точный курс – улицу Сен-Доминик д'Анфер.

Джон Лоу даже не напоминал кучеру о том, ко сколько туда нужно подъехать. Все объяснено было заранее о чем свидетельствовало еще и то обстоятельство, что возникший частенько поглядывал на свои часы, то убыстряя, то придерживая ход лошадей, стараясь как можно вовремя подкатить к назначенному месту.

Как бы то ни было, он не рассчитал, и оставшуюся небольшую часть пути, две улицы, стал покрывать с невообразимой медленностью. Поглядев еще раз на свои часы, покосил взгляд, заметил, что банкир как будто очень занят собственными мыслями и не смотрит в оконце двери, предоставляя ему возможность ехать как заблагорассудится: свернуть в сторону и сделать большой крюк. Можно было даже прибавить скорость, что он и сделал, после того как услышал сзади.

– Побыстрее нельзя?

Подобные толчки в спину, не всегда, но действуют стимулом ехать еще быстрее.

«Зачем быстрее? Для чего быстрее? Экие господа непонятные. То им точно, то побыстрее... А приеду раньше, кричать начнет, деньги зажмет»

Затем старик кучер подумал, что раз быстрее, то значит так нужно, господину лучше знать. Посмелее стегнул кнутом и в то же время свернул на кратчайший путь, объезжать не стал. И как результат в скором времени был у известного ему дома. Остановившись все же виновато рапортовал:

– Все мсье. Сен-Доминик. Приехали.

Джон Лоу вовсе не думая о пунктуальности, выйдя, заметил впереди полуосвещенной фонарями улицы нечто такое, после чего он не стал отправлять кабриолет, наоборот, ступив одной ногой на подножку, держась руками за раскрытую дверцу крикнул:

– Живо гони вперед.

Через некоторое время кучер догадался о причинах такого маневра: впереди, им на встречу по той же стороне ехал другой экипаж. Джону Лоу показалось, что с того встречного экипажа их заметили и прибавили ходу.

– Скорей же ты! Ей богу, нам нужно успеть первыми!

Висящий на подножке Джон Лоу определял расстояние, которое им оставалось покрыть до здания с фасадом у низа, составленным из небольших арочных пролетов, под которые нужно было успеть хоть на миг раньше нежели к ним подойдет встречный экипаж.

Однако же, чем ближе они сближались, тем явственней стала назревать ситуация столкновения, а в противовес ей тенденция снижения скорости, на которую поддался кучер кабриолета и который более того сдал нервами и свернул влево...

Соскочив больше всего по инерции Джон Лоу кинулся к уже останавливающемуся экипажу напротив подъездной двери (под арочным пролетом). Дверь поспешно стала открываться... и подъезжавший успел схватить дамскую ручку, а вслед за этим вытянуть на себя и ее самое.

– О, John! Do you again*... – мягко укорила находящаяся в его руках дама в белом платье скрытом под плащом, вся увешанная под стать белому бриллиантовыми драгоценностями.

От охватившего его и подступившего к горлу чувства он сначала ничего не смог ей сказать, в бессилии глядя в ее насмешливые глаза, лишь вдыхая аромат духов. Благоуханием несло даже от самой белоснежной кожи.

– Все-таки сэръ, как любезно с вашей стороны, приходите на свидание последним – продолжала она разговор на нравящуюся ей тему, одаривая своего любовника надменным взглядом.

– Ах, простите меня дорогая Кларик... но у меня есть одно смягчающее мою вину обстоятельство.

– Изобразите его.

И Джон более чем обыкновенно вынул из кармана часы на цепочке и поднес к ее лицу. На открывшемся белом циферблате стрелки показывали первые пять минут нового дня. Совершенно спокойно не моргнув глазом он сказал ей:

– На моих ровно.

– Ты никогда не успевал за временем.

– Но у кучера...

– Свою пунктуальность ты доверяешь первым попавшимся кучерам...

Они вошли в двери, прошли далее.

В прихожей Джон Лоу помог ей раздеться: элементарным движением с чисто светской принужденностью скинул с нее плащ, принял шляпку.

Леди де Гроа предстала пред ним во всем очаровании сонливой томительности и величелипии броских нарядов.

– Я люблю тебя Кларик, – нежно произнес он привлекая ее к себе и целуя в шею.

– Ах оставь, Джон. Дела всегда лучше слов.

– Если б ты знала как тяжело мне дожидаться того момента, когда я беру тебя за руку и увожу наверх, – говорил он, увлекая свою любовницу за собой.

– А несчастный лгун... портреты короля на луидорах возбуждают тебя куда больше, чем половые акты, – сладостно пела она ему со смехом вслед.

– Глупая женщина, ты думаешь считать деньги – это возиться с монетами? – проговорил он, запинаясь и с невыдержанным рыком грубо затащил ее за дверь в темный зал и кромешную тьму...

Часика через пол, освободившись от нее, Джон Лоу встал, прошел к свечам в канделябрах стоявшим на комод, разжигая желтые восковые трубки одну за другой. Поднялся на стул зажег люстру.

Ее свет ярко осветил пространство зала, проник в каждый темный уголок, отразился на стекле, фарфоре, мраморе, на блестящей отполированной поверхности обстановки. В зале стоял блеск, он даже как будто исходил от лакированной поверхности мебели, от пестрой роскоши убранства, или же больше от того, что благодатный мирок этой залы, скрытый от улицы за темными шторами, ослеплял глаза.

– Разожги камин, – попросила Кларик.

Она продолжала сидеть на полу у кресла, облокотившись, там, где только что сидел он, закрывая лицо у рта локтем руки, устало глядя на него. Складки ее платья вокруг были измяты, истоптаны его ногами о мягкий ворс ковра.

Самый главный блеск в зале исходил от ее глаз... Он не выдержал, бросился к ней, прижал ладонями ее щеки.

– Раздевайся!... Развратница моя.

– ...Ты будешь кидать палки? – рассмеялась.

– Бесстыжая. Сейчас я буду воевать с тобой за твою... (запнулся, подбирая нужное слово).

– О, я сразу сдаюсь. И не надо, пожалуйста, высоких слов, все закончится так низко.

Она ловкими движениями скинула с себя свои одежды представ перед ним во всей ослепляющей наготы своего тела. От захватившегося духа ей невозможно было что-либо сказать и поэтому она просто была поведена к постели... снова часа через пол сорвалась из под одеяла обнаженной подбежала к буфету с напитками; дрожащими руками поднесла ко рту стакан.

На ней была непонятная толстосуконная распашенка, одетая на плечи, полами кончавшаяся много выше обнаженной талии- нисколько не скрывая бесконечную силу женского тела и, наоборот, ее преувеличивая.

Почувствовав сзади приближающиеся шаги пошла вокруг стола не оборачиваясь, пока ее не обхватили сильные руки; и они вместе долго кланялись на большое зеркало трельяжа...

У низенького мраморного столика Леди Кларик сняла с себя все бриллиантовое облачение, как ненужную мишуру оставила на стекле. Распустила волосы.

Уже находясь в постели под одним одеялом она мягко проговорила.

– Знаешь, временами я так начинаю чего-то бояться.

– Например, ты боишься моей жены? Смею заверить она про нас знает... да тем более она и сама в Версале* шашни с кем-нибудь крутит.

– А ты?

– Перестань, очаровательная моя, – поцеловал ее в выразительное личико, заметив на нем набежавшую тучку.

Положив голову на его плечо, она продолжила

– У тебя жена такая красивая, почему ты ее не любишь?

– Прелесть моя... потому что я люблю тебя, и тебе нечего бояться ее красоты...

– ??...

– ... Англичаночка ты моя (сильнее сжал ее), она красивая, но не сексуальная, она не говорит по-английски, а это просто ужасно, когда со своей женщиной приходится картавить вместо того, чтобы говорить свободно...

– ??...

– Ну, например, как сказать по-французски: «я сделал с тобой хет-трик?...

– Не надо... Ну-ка поспокойнее! – дала пощечину, – мальчик мой...

...Я тоже заметила, иностранцы по-французски говорят намного привлекательнее.

За домом, впрочем уже не под дождем, но в луже воды, скопившейся на дне резервуара крыши рыдвана находившийся там Рено почему-то только сейчас подумал, что ему нечего здесь делать. На эту мысль его навела ощущаемая им величина кабины, предназначенной для таких дел, в которые ему лучше не соваться.

Помимо этих мыслей оставалось еще сетовать на свое промозглое положение, лежать в луже холодной воды, пропитывающей насквозь до самых последних сухих лоскутков, и вместе с этим не шевельнуться, чтобы не быть обнаруженным после любого хоть сколько-нибудь заметного покачивания корпуса колымаги. Правда он все же шевелился, например, когда вытаскивал из под мышки пистолет.

Ладно, можно было бы не шевелиться, если б он занимал удобное положение, а то ведь ко всему прочему хотелось расшевелить затекшие члены, подвигать суставами.

Так же было и с сыростью: можно бы было смириться с тем, что промок до нитки, но когда к тому же находясь столько под холодным душем – простыл, по крайней мере чувствовалось болезненное состояние, с сопутствующими симптомами, как то: трудность вдыхания через нос, нытье спины, горячая голова и в то же время, пробегающая по телу ознобная дрожь – терпеть было просто невыносимо. Стало как будто даже холодней в воздухе.

Тут же внизу сидел на облучке, весь скукожившись, тот, кто подменил Дармаглота на этом месте. И хотя он не промок, ехав со всеми внутри, все заворачивался в свой плащик в кокон, чтобы этого не произошло, так как дождь снова стал накрапывать и уже буквально через минуту снова занялся.

Не так далеко отсюда, где в данный момент начинались осадки с небесного океана – на базе, достаточно близкой в этом отношении, осадков еще не наблюдалось.

Дождь, во время которого с базы выехали на рыдване уже закончился и более не предугадывался, и это всего за несколько больших улиц!

Находясь в возникающей из под рук подземной части базы – в подкопе как бы идущим в сторону подвалов дома, Франсуа непосредственно не испытывал на себе холодное и сырое влияние дождя как Рено, но между тем ему от этого не было нисколько легче. Голод и усталость хуже всяких недомоганий. И к тому же Франсуа был также мокр, вспотев от адской работы в твердом, как прессованном, грунте. Но работал он как известно на себя.

Сразу как ему сказали, что он будет рыть, первым душевным порывом Франсуа было насмеяться на сие решение и категорически отказаться и ни в какую не браться за работу, но хорошо быть вялым (от бескормицы), сразу остановил себя на мысли о выгодах, кои можно было извлечь от унижительной работы по окрику, с инструментом в руках и разрешением на рытье.

И сейчас, наивно полагая, что по ночам преступники спят, он реализовал свой план побега, правда при этом провалив план Рено. Франсуа не то что не слышал как до него дозывались, но и не почувствовал даже как за толстым слоем наверху по поверхности прогромыхал рыдван.

Ощущая сильную жажду (вода в кувшине давно кончилась) ему было и не до этого: приходилось безропотно мириться со своим тяжким положением, постоянно задыхаться от нехватки свежего воздуха, да еще плюс к этому от поднимаемой пыли, которую приходилось самому же и поднимать.

Приходилось нехотя сползать вниз, одновременно спихивая с собой и то, что нарыл. Отдохнув внизу на свежем воздухе, вытряхнув из-за спины то, что туда насыпалось (ужасное состояние) набравшись духу снова лез вверх. Трудясь в таких невероятных усилиях (с непривычки, и к тому же оголодавший) можно было вконец обессилить от одного только давящего чувства, но живительно питала спасительная мысль о близкой свободе и что все это может скоро кончиться от одного удара заступа, и увлеченный рыл, иногда увлекаясь до того, что забывал прочищать от наработанной земли нижнюю часть подкопа. Горловина прохода, узкая сама по себе, на уступах забивалась осыпающейся землей и приходилось долго и монотонно пробивать ее далее вниз чаще всего ногами, так было легче дышать.

В один такой раз у него даже сердце екнуло, когда подумал, что уже ничего поделывать нельзя с закупоркой. Когда же при помощи заступа он все же прочистил проход (правда, не до конца) зарекся больше такого не допускать и снова с приливом радужных мыслей о свободе полез наверх продолжать вгрызаться в грунт, теперь уже более мягкий: торить свой путь.

Стревогой почувствовал, что задыхается и сразу же его охватило угнетенное, почти паническое, состояние от давящей темной земной насыпи. От отчаяния спасала только его личная выдержка и то обстоятельство, что он сразу стал сползать вниз.

Ширина горловины стала казаться ему слишком узкой, вот-вот сдавит. Ноги уперлись в плотную массу. Потопал – только сильнее утрамбовал.

Решил рискнуть.

Еще сильнее утоптал ногами землю, полез вверх. Когда же конец.

Наработав небольшой объем, Франсуа сразу же его притаптывал, так один раз почувствовал, что нечем дышать, и не может вздохнуть. Кое-как добрался до уже верхнего конца подкопа. Там и воздух казался чуть-чуть посвежее.

Несмотря на другие меры предосторожности: уменьшил ширину горловины, затор неумолимо догонял сзади значительно быстрее, чем ожидалось и вот уже подпертые ноги приходилось держать согнутыми.

Из всех описываемых нами мест лучше всего было конечно же тем, кто находился в зале, но те, кто находился в кладовой, между черным входом и закрытой дверью в коридор, пребывали от своего положения куда в большем восторге, ибо разве может какая-то любовь сравниться с тем чувством, которое испытывал в толпе каждый, предчувствуя удачную наживу над миллионщиком.

Алчность куда более сильное чувство. И особенно радовался своей ловушке Картуш, продумавший все до мельчайших подробностей.

Обнаружить свое присутствие (пока они сами того не сделают) было невозможно. Джон Лоу не мог воспользоваться не подозреваемым им даже черным входом, потому, что у него не было ключей, так же как и от дверей кладовой. Он недавно нанял этот дом на тихой уединенной улочке, а Карконта по чистой случайности не сказала съемщику о том, что таковой в доме имеется и вследствие этого у нее остались ключи, чем и воспользовался сейчас Картуш.

Все складывалось благополучно: мыши в мышеловке оставался суший пустяк, для руководителя с такой богатой практикой. Действительно, никаких осложнений более не предвиделось, оставалось только дождаться решительного момента. Картуш выжидал, чтобы взять их что называется «голенькими», и пока стоял прислушиваясь через замочную скважину, выжидал время.

Остальным же за его спиной уже давно надоело стоять в толчее и соблюдать «гробовую тишину», и каждый так или иначе выказывал свое нетерпение, даже в пристальном безликом

взгляде в затылок главному. Тот же пока ничего не предпринимал и остальным приходилось бездействовать.

Особенно не терпелось полной Карконте, на голову выше всех средних мужчин. Она давно отдала Картушу ключ и несколько раз потормошила, побуждая к действию, но напрасно. Пришлось бесприкословно подчиняться так же как и остальным.

Вдруг Картуш повернулся и зло произнес:

– Ключ не тот.

Глава VI. О том где был найден ключ и что было дальше?

– Ой, Господи, Боже мой! – воскликнула Карконта, и в то же время почувствовала предупредительный толчок в зад, хотя восклицание вряд ли можно было слышать находясь даже в десяти шагах снаружи, не то что в зале на втором этаже.

И вместе с тем Карконта изумилась, как это Картуш так смог незаметно от нее, стоящей рядом, умудриться всунуть и попытаться провернуть ключ, не создав при этом лязга вхождения железа в железо?

Он отдал ей ее ключ (оказавшийся в жипе). Карконта уже ожидала чего-то непредсказуемого, но вместо этого:

– Дай шпильку.

Она машинально, очень при этом успокоившись, содрала с себя замеченную, а может предполагаемую Картушем шпильку, толстую как спица.

Приняв Картуш почувствовал на ней длинные волосы, убрал их нервным движением, всунув как нельзя более подходящую шпильку в замочную скважину, не долго в ней поковырявшись, буквально через несколько секунд открыл. Открывшаяся дверь заскрипела. Вот о чем забыли предусмотреть.

Картуш вышел в коридор, проследовал к лестнице. Остальные бесшумно (кто держа обувь в руках, кто без носков) проследовали за ним с отретированностью, какая может возникнуть при спайке людей из преступного мира. Ведь шли они в крошечной тьме и не создавая фактически никакого шума. Картуш знал план дома наизусть и поэтому правильно ориентировался, нащупал широкие массивные перила, стал подниматься по широкой лестнице вверх.

Послышался частый кашель.

«Здесь как в публичном доме» – радостно подумал он, направляясь уже к определенному месту, впрочем его и так легко можно было найти по свету, пробивавшемуся через замочную скважину в двери залы.

Не успел Картуш подойти, как почувствовал что его хотят опередить любопытные. Карконта отошла в сторону решив не показываться. Картуш прильнул глазом к замочной щели: во всей пестроте и роскоши залы его глаз сразу остановился на постели и лежащем на ней мужчине и женщине, впрочем ее не было видно; прижатая в пуховики и подушку, она чувствовала на себе его тело, но уже не чувствовала себя; слышала свои стоны и сладостную негу, разливающуюся и сковывающую весь ее организм... Глаза в бессилии самопроизвольно закрылись, все замерло... В эти мгновения ей захотелось посмотреть в его глаза, но кроме переполняющего ее чувства оргазмов она уже больше ничего не понимала. Все плыло перед глазами: локоны волос, люстра, зеркала трельяжа, в которые как на картине отражались какие-то темные шевелящиеся люди, показывающие ей что-то на пальцах...

– А-а, Джон!

Люди обрели реальные черты, привнося собою ужасное оскорбленное состояние. Она почувствовала себя обесчещенной присутствием возле себя стольких незнакомых мужчин! Нагота ее тела ласкает чужие взоры..., в такие мгновения отчаяния хочется успокоиться совестью проститутки и даже быть ею, чем испытывать такое унижение!

Ее Джон оставил ее, и тем более невыносимо было это чувствовать, что делал он это при них... и ее невольный, интимный вздох благодарности относиться так же и к этим мужланам, будучи внят ими, а не только им одним!

От стыда она закрыла лицо подушкой, потом натянула на себя насколько было можно край одеяла, на котором лежала.

Пусть делают, что хотят все равно что будет... А с Джоном? С ним нужно кончать. После этого он и сам отстанет, так даже будет лучше. Она мысленно приготовилась терпеть над собой насилие и разгневанная от этого, с женской поспешностью захотела отомстить своему Джону своим бесстыдным падением перед этими людьми, но ей стало жаль его, и она не смогла выдержать того, как издевательски смеются над ним.

– Все, спустил?

Кларик почувствовала, что он чем-то оборачивается вокруг...

– Как древний египтянин стал похож, остается только дамочку на ноги поставить в чем она есть и как раз выйдет как на фресках, – говорил Картуш под общий гогот, – вообще нет, она я вижу беленькая, сразу можно будет догадаться – это саксы – сексы.

– А вы продолжайте, – законючил гнусаво молодой парень, лицемерного вида. – Пока силы есть. Мы мешать не будем, только посмотрим.

– Что вам здесь нужно? – сурово спросил Джон Лоу, пытаясь дотянуться до одежды. Не дали, отодвинув стул подальше.

– Кстати! Что ты пел своей? – спросил Картуш из последнего подслушанного. – Я король страны в два раза большей Франции! Но там мало женщин и поэтому я бедный король: вынужден считать каждую тысячу, – передразнивая с завываниями продекламировал Картуш... – Ну, так-то вот нищий король, вынужденный считать каждую тысячу. Я тебе продам, по такому делу один секрет, как тебе разбогатеть. Чтобы туда поехали, покупай здесь в свой, то бишь как там: Новый Орлеан?... публичный дом с доступными ценами. А заодно и сделай так что бы там и шлюх ливровых предостаточно имелось. И на счет публичного дома я не шучу. Всегда! А на счет секрета, сам понимаешь нужно будет заплатить.

Картуш демонстративным движением вынул из нагрудного кармана куртки две официальные бумаги и ступив шаг вперед протянул их Лоу.

– Двое моих дружков задолжали вам четвертак, так что вы уж подпишите, будьте добры.

Джон Лоу уже протянул долговые обязательства к огню...

– Одну секунду, месье! – запросил Картуш подступая ближе к постели и кивая на прячущуюся леди. – Эта – платная? С большим трудом Лоу выдавил из себя что-то похожее на :

– ... Да.

– Да-а-а... – отвратно передразнил пойманного им на этом вранье для пользы того, чтобы хоть к ней не имели интереса.

Картуш повернулся к ней с намерением, то тут же был сбит с ног отмашным ударом в сторону. И тут же к ребру напавшего приставили нож.

– Не хорошо, кинг⁴, только же что подтвердил, что она луидоровая ... Цену хотел сбить? Или подписывай за нее или я ее у тебя на глазах отшатаю.

Джона Лоу уже держали за руки.

– Не тро-ожь! – закричала сзади Карконта направляясь к столику где лежали драгоценности, у которого крутился парень, вида мерзавца. – Куда ты смотришь? Глаза разинул! – возмущалась она проходя возле заулыбавшегося Картуша, подловленного на простейшем.

«А старуха-то дура, могла бы потом потрясти... впрочем она и сейчас наберется. Что-то потерял я ход мысли».

– Тетка, тащи их сюда!

Джон Лоу тоже обратил на Карконту свое внимание. – А-а, и ты здесь старая сводница, – со злобой проговорил он, чем заставил толстую и грузную Карконту, что называется сдрейфить. Ее мощные ручищи затряслись мелкой дрожью, также как впрочем и коленки, но тут же разобрала спесь :

– Да тебя сопляк, я сейчас собственными руками!...

– Не надо тетка!... А вы сэр, полегче с оскорблениями; я ведь могу ее лапы допустить ваше горлышко пощекотать за оскорбление столь уважаемой женщины... Ну, так ближе к делу, будешь подписывать? – спросил Картуш усаживаясь на постель и снимая свой сапог. – Или я ее сейчас бесплатной сделаю...

...Правильно. Все эти аристократки... проститутки, я заметил.

– Встань! – крикнул Джон Лоу, когда уже Картуш повалился спиной на неподвижно лежащую леди Кларик.

Тот тотчас прямо с постели в одних носках подпрыгнул и приземлился на пол.

– Есть! Месье. Вы честный ... (перебирал в уме: – дворянин?, торгаш?, финансист?, богач? человек?...) человек. Перо в зубы и пошел. Дайте ему чернила.

⁴ [1] king (англ.) – король

– ...

Фразы: « Кто бы дал» и « Я подпишу только когда буду выпущен отсюда» – прозвучали почти одновременно. Странно, что мы с собой не взяли чернил. – проговорил Картуш, выразительно глядя на тетку, – Поищите-ка здесь нет, ничего? А вам месье я объясню, что выпущены на волю вы будете когда сполна расплатитесь за оскорбление бедной женщины, это раз и самое главное. Второе – это за секрет. Третье – за то, что мы скроем ваши тут дела, без жены. И я предупреждаю если вы начнете отречься, мы ее отвезем и такими наколками по ее лицу распишем, что нам и скрывать ничего не придется. Вся эпоха будет знать о ваших безобразиях. Впрочем ее личико (открыл подушку) и так уже исписанная страница, стоит только написать конкретные имена и поступки. Мне лично очень будет жаль, если такая прелестница не сможет показаться на белый свет...

...Нашли что-нибудь?!

Ну старуха – просто шлюха!

Вышел из себя Картуш

...Ну, в общем – это не меняет дела, – проговорил Картуш, решительно вставая и проходя за ширмой, которую раскрыл перед постелью.

– Собирайтесь, едем в банк: to visit⁵.

...Но-но, сэ-р-месье, – постучал по краю ширмы, за который зашел Джон Лоу. – Будьте джентельменом, предоставьте даме одеться наедине.

И под хохот Картуш перекинул на ширму легкое бело-шелковое платье. Наблюдая через просвечивающиеся стенки ширмы за тем как английская леди безропотно встала под прикрытием одеяла и ширмы, стала одеваться... он сильно пожалел о том, что не надо было ничего приволакивать, никуда бы не делась!

Джон Лоу получил свою одежду только когда Картуш обшарил ее под лицемерным предложением :

– Так, оружия нет.

...В то же время присвоил в свой карман, кошелек с деньгами и часы на цепочке.

Когда Джон Лоу вышел из-за ширмы полностью одетым, поправляя лишь перевязь у шеи, его успокоенный взгляд остановился на чернильнице с пером.

– Не ожидал okazji? – спросил его Картуш. – Садись пиши!

Джон Лоу, видя что делать нечего, сел за круглый стол, внимательно прочел долговые обязательства, затем обмакнув перо в чернильницу, принялся что-то быстро и мелко на них

⁵ [2] посетить (англ.)

писать. Удивленный этим Картуш с интересом принял исписанные деловые бумаги и с облегчением обнаружив подписи, стал вчитываться.

– Ешткое? – спросил он единым словом, состоящим из придыхательных звуков. – Причем здесь какие-то печати?... А дошло! Печати ты поставишь в банке. Ну что ж, идет! Поехали.

– Сейчас это невозможно, банк закрыт, Только если за час до открытия.

– Слушай друг, ты нам дурочку по блюдечку не гоняй. В тайный кабинет дверь ногою открываешь, а в свой собственный банк попасть не можешь! Деловой! Осмелел как оделся! Сейчас ты снова тепленьким станешь. Тащите сапожки.

Кто-то из стоящих за дверями побежал назад. Джон Лоу было дернулся к окнам, но Дармаглот опередил и за плечи усадил на место, проговорив своим трубным голосом:

– Спокойно финансист, не порть план шефу и все будет ол-райт!

– На прокрустовом ложе он сейчас разговорится.

Джон Лоу на угрозы не выразил ни малейшего желания прекратить свои препирательства, но в одно из наступивших затиший услышал как за ширмой тихо плачет леди де Гроа.

Уткните ей рот кляпом – приказал Картуш, но тут же заметил поданный Джоном Лоу знак согласия.

– Черт с вами, поехали.

– Прежде напиши-ка записку слугам в твоём доме, мы заедем туда по пути.

Джон Лоу беспрепятственно написал своему слуге Кроэну распорядительную записку, в которой говорилось о том, что он должен отдать из дому ценных вещей и все деньги, которые имелись в бюро.

Выходили поспешно, как будто наверстывая то время, что они здесь задержались. Скоро должно было светать. Картуш посмотрел на часы: указал Дармаглоту что называется «пасти» Лоу, что тот и сделал с одним подручным, чуть ли не схватив за руки, но банкир нервным движением высвободился от опеки, взял за руки леди.

Они быстро вышли из залы, спустились по лестнице, прошли к рыдвану. Тронулись не сразу, ждали Карконтю.

– Что она там делает? – недоумевал Картуш.

– Свет тушит, что еще!

– Да пошла она далеко, на какой черт она вообще к нам привязалась, только место занимает, ей-богу трогай проводник, улица Сент-Оноре.

Не успело сие произойти, как вовнутрь рыдвана с разбега, заскочила Карконта, оставляя за собой незапертый дом, в котором как говориться «лежали деньги». Картуш перевел насмешливый взгляд в угол, где белым пятном белело платье леди Кларик де Гроа.

Очень скоро они выехали на улицу Сент-Оноре, где находился особняк банкира, который они хоть и нескоро, но нашли. Картуш прихватив с собой некоторых человек направился к дому, затем немного подумав решил идти только с двоими, другого отправив охранять захваченного банкира.

Приход в дом группы Картуша чем-то напоминал сразу и приход полиции, и налет кредиторов. Поданный перебуженным слугам листок и беспардонное поведение – это напоминало приход полиции. Но то, о чем гласил документ, и дальнейшее поведение ночных визитеров напоминало все-таки налет, хотя и не совсем кредиторский.

– Ол-райт, ребята! – объявил Картуш чопорным английским старикам. – Ваш лендлорд вчистую проигрался в картишки, так что ничему не удивляйтесь.

Визитёры резво, как это только могут делать воры-специалисты принялись поэтапно обчищать внутренности первое время роскошного особняка, оперативно складировав все набранное захваченное на коврик. Кроэну согласно начертанным рукою Джона Лоу письмам оставалось только наблюдать, но он был премного удивлен тем, как без его помощи могли быть изъяты имеющиеся в бюро деньги (то же согласно написанному).

Охватив всю серебро-дерево-каменно-золото-бронзово-хрустальную кучу краями коврика, налетчики, просквозили сквозь стариков. Направившийся было вслед за ними Кроэн сразу же отскочил назад, так как обернувшийся Картуш дернул за собой ковер. Скрученный в трубку на одном месте ковер уплыл вниз и за дверь.

Удивленная, недоумленная и сожалеющая физиономия старика Кроэна выражала в словесном виде примерно следующее: «что то тут не то и все»...

Рыдван не задерживаясь отбыл далее на другой конец улицы Сент-Оноре и остановился прямо перед тяжелыми деревянными дверьми банка.

Картуш провел короткое оперативное совещание, где каждому разъяснил что он должен делать, а так же привел кое-какие детали, которые были небезынтересны и самому Джону Лоу. Оказалось, что из четырех служащих у него по крайней мере двое спят.

Вылезая из рыдвана с леди де Гроа по приказу Картуша был снят плащ, для большей ее заметности, одновременно же последовал вопрос.

– Где Жебрессан? Приготовливаем улыбочки...

– У дома остался – последовал запоздалый ответ.

– ... И ведите себя там как люди. Стучите финансист.

Не дожидаясь пока тот раскачается Картуш постучался сам.

На первый взгляд со стороны могло показаться что рыдван остался брошенным, но отошедший от дверей в сторону, стоящий лицом к махине Картуш думал как раз наоборот, не много ли он там оставил? Людей крайне не хватало; хорошо еще Карконта поехала с ними и сейчас всем своим весом надежно караулила сиденье покрывающее багаж.

Как только после неоднократных стуков с той стороны дверей осведомились о том кто и зачем стучит, к спине Джона Лоу был приставлен нож.

– С вами говорит Джон Лоу, откройте под мою ответственность.

Из дверного глазка, по-видимому еще для большей достоверности посмотрели на стучащегося. И только когда подошел и удостоверился в личности стучащего второй охранник, дверь им стали открывать.

У финансиста был прекрасный случай улизнуть: заметил Картуш, когда уже все шло как по маслу: свои люди вошли вперед Джона Лоу, а сам он отводил леди назад. Саидка отлично разчелся с обоими служащими, так что те позагинавшись даже не могли более-менее слышно вскрикнуть.

Люди Картуша большей частью расходились по порученным делам, так что в контору банкира вместе с ним и Картушем вошли еще только двое.

Джон Лоу был грубо усажен за стул и с него потребовали указать: где лежат печати? Как впрочем от него и не стали дожидаться ответа. Дармаглот из-под пазухи достал выделанный гнутый прут, хотел сам пооткрывать ящики стола, но был остановлен рукою рядом сидящего.

Джон Лоу достал из под низа стола ключи и пооткрывал все ящики, давая понять о незначительности содержимого перед обрамлением.

– Ты, финансист, всегда выгоду ищешь, – похвалил его Картуш. Стол спас.

Дармаглот достал из одного ящика прибор с печатями, представлявший собою шкатулку, в которой имелась так же и чернильная подушечка. Одновременно из того же ящичка был извлечен денежный пакетик.

– Сто лэ. – протянул Дармаглот в пользу шефа.

Из бумаг, которые были выгреблены на пол и оставлены Дармаглотом без внимания, Картуш наклонился поднял стопку новых разноцветных бумаг.

– Идиот, это акции!

И несмотря на то, что эти процентные бумаги сразу же как только откроется банк, перестанут быть действительными, Картуш, хорошо понимая это все же очень обрадовался находке. Не зря он затеял это дело!

Картуш поставил на долговых обязательствах печати и незаметно для сидящего одну из печатей сунул в карман.

Картуш любил очередность, а вернее он не любил делать все сразу. Из этого столь сложного и запутанного дела он выбрался казалось на завершающую стадию :

– Где хранятся деньги, в этом секретере?

– Здесь хранятся мои деловые бумаги.

– Открой.

– У меня нет ключей.

Картуш начал хватать ртом воздух.

– А что у тебя есть? Как же ты тогда работаешь, если не имеешь доступа к своим же документам? Или может ты не тот, за кого себя выдаешь? Имя создали тебе. Ну как же, Джон! Да еще и шотландец!⁶ Миссиписи! Система Лоу! Систематическая продажа своего имени евреям! – заключил Картуш.

Этого оскорбления Джон Лоу потерпеть не мог! При всем профессиональном уважении к евреям он встал, собираясь постоять за свое уязвленное самолюбие, но был обратно вбит в кресло ударом Дармаглота наотмаш.

– Сиди не дёргайся! А-то шотландец он горный! Сейчас быстро залупим твой конец, покажем всем какой ты шотландец! Я твою аферу знаю!...

Картуш потому спрашивал о ключах от схрона, потому что видел, что возле стальной дверцы уже битые пять минут безуспешно возится специалист по замкам. А если замок не открывается в первую минуту, то и остальные четыре не следовало терять. А в сейфе, по-английски говоря у него обязательно должно было что-то лежать!

Картуш сгоряча сплюнул.

– Да что мы с ним возимся, – достал раскладной нож и направился к сидящему с видом как будто сейчас зарежет. Чисто бандитская агрессивность, направленная больше для понта подействовала на Джона Лоу, тем более и Картуш подставив лезвие к горлу завизжал на него в характерной приступному типуажу истерике. Рука припирающая лезвие к самому горлу дрожала и готова была вот-вот сорваться.

С похолодевшей кровью в жилах Лоу встал.

– Если вы меня убьете, всех вас потом из под земли достанут, не советую делать роковые ошибки.

И банкир спокойно прошел к сейфу с силой потянув на себя туго ходящую в петлях толстую стальную дверь. Однако за ней находились только папки, которые и были представлены в полное распоряжение грабителей.

⁶ [3] имеется ввиду равнодушно отношение французов к шотландцам

Картуш полез рыться, подал папку Дармаглоту, нашел другую папку акций.

– Э, твари – услышали они за собой окрик Джона Лоу. Обернулись. Тот стоял с пистолетами взятыми откуда-то из-под низу. Дармаглот краем глаза приметил это наклоняясь сгорбиться, – К стене, живо!

Картуш презрительно – негодуяще отвернулся, продолжать копаться в бумагах, зло проговорив :

– Ху-у, дурак! Да чего все миллионеры глупы! С двумя выстрелами... И сам попадешь, и девчонку погубишь.

Дармаглот как телохранитель закрыл своего шефа собою.

– Ладно не буду я трогать твои писульки.

Ворье под наведенными пистолетами действовало решительно и Джон Лоу невольно пришлось подчиниться доводам разума, а больше их действиям. Несмотря на то что, что можно было взять, вымогатели взяли, банкира они все равно грубо загребли с собой.

Зачем? Джон Лоу не понимал как он мог так сдаться? Нужно было выпроводить их под пистолетные дула... А так только ещё вывели на посветлевшую улицу, что бы снова куда-то увезти?... Он двумя ударами сбил своих проводников и рванул от них в сторону.

Картуш махнул на него рукой: в банке действительно ничего не было и не могло быть, так как казначейство находилось в соседнем здании в подвалах, куда залезать было опасно даже с самим банкиром. А у них и так была славная нажива.

Рассерженный, а вернее выведенный из себя Джон Лоу остановился за первым же скрывшим его углом, чувствуя что за ним никто не гонится

Одна позорная мысль терзала его: он оставил ее среди них одну! Сгорая от стыда и досады, презирая себя кинулся обратно.

Картуш в это время садился в рыдван в числе последних, подсчитывая в какую сумму может обойтись награбленное? А печать-то была вообще бесценная вещь!

– Трогай на базу! – приказал он сидевшему за задраенной перегородкой на месте возницы, и Рено сидевший именно там потянул вожжи на себя вправо, поехав на разворот. Его рыдванная эпопея продолжалась.

Завидев впереди светящиеся окна полицейского участка Рено стал потихоньку сворачивать в его сторону.

Полицейские участки ярко выделялись во всеобщей темноте ночи не только светом из окон, но и с фонарных столбов, а еще частенько тем что посреди освещенного двойной иллюминацией места стоит полицейский, скорее всего потому, что так того желает начальство. В данном случае дежурный полицейский так же стоял и что-то держа в руках, читал.

Подъезжая Рено слегка разогнал бег своих коняжек и резко стал заворачивать на открытую дверь. Читавший полицейский успел заметить и отпрыгнуть в сторону в самое последнее мгновение. Погоняемые животные не подчиняясь воли кучера стали останавливаться, но все равно головами и полозьями врезались в дощатый фасад участка.

– Я его прирежу! – услышал за собой чуть не слетевший со скамьи Рено, тут же спрыгнувший на грубую брусчатку улицы и устремившийся за угол.

Вылезавшие из рыдвана, видя куда они врезались, молниеносно разбежались в разные стороны, оставляя после себя лежащего в корчах полицейского, пырнутого правда, не опасно. Поэтому кое-как вылезшие перед ногами коней на улицу полицейские из здания, сразу больше кинулись к раненому сослуживцу, а не вослед как-будто и не бывавшим здесь преступникам, след которых что называется тут же простыл.

Джон Лоу из последних сил вяло добежал до дверцы рыдвана, оттуда спускалась плачущая леди де Гроа. Помог спуститься.

– Они что сделали с тобой?

Она протирала руками глаза от слез, не глядя на него опустила лицо и сама опустилась на колени, собирая с булыжника то, что рассыпалось из распластанного коврика на полу кабины. Карконта бросила это изобличающее её добро сразу же как вытащила, увидев как врезают ее сотоварищи.

Относительно свободный полицейский, который не был занят пострадавшими, но занимался высвобождением воткнувшегося в доски комля хомутовой жерди; подбежал сзади к устроителям аварии, как он посчитал. Джон Лоу сказал, что сейчас все уладит сам и очень попросил служащего помочь ему проводить плачущую женщину.

Понимая такое дело, тот согласился и повел женщину в белом. Сзади она почувствовала на себе теплый плащ.

– When?⁷

– Never!⁸

Джон Лоу замер на месте.

Леди Кларик обернулась уже смеющейся сквозь слезы :

– Сегодня же!... Идиот!

⁷ [4] когда (англ.)

⁸ [5] никогда (англ.)

Глава VII. Когда не хватает сил!

...Франсуа почувствовал, что ноги выше колен занесены землей и он не может ими даже шевельнуть, настолько прочно они вросли в некогда чувствуемый рыхлым накопанный слой. Впрочем и шевелить ногами, как и вообще двигаться куда-либо в этом узком зажатом пространстве было и невозможно, и некуда. Голова и так согнулась, упертая в потолок, а рука хоть и ходила много выше вверх в проделанное лопаткой узкое пространство, но все равно ожидаемого выхода в пустоту не находила.

По идее конец уже давно должен бы был настать, по крайней мере хотя бы чувствоваться, но единственное что Франсуа чувствовал это то, что его потихоньку начинает засыпать в этой бесконечной бездне...!!! Приводя его в тревожное паническое состояние полной подавленности. Сам себе ни на чём нашёл опасность. И кто его знает какой еще толщины над ним пласт, который ему необходимо пройти, причем если больше его роста, то ему уже по всей видимости не придется отсюда выбраться, и не иначе как навсегда здесь остаться оказавшись заживо погребенным в трубчатой могиле в стоячем положении.

Для себя он признавал, что допустил грубейшую, если не роковую ошибку, что решил пустить дело на самотек с расчисткой выхода, необходимо было подумать еще и о доступе свежего воздуха, которого ему так не хватало, когда он проходил плотные глинистые и суглинистые пласты. Тогда сейчас выходило что он копался (и уже самым беспорядочным образом) в верхнем подзолистом слое почвы. И действительно земля как-будто дышала, давая дышать и ему. Он чувствовал просачивающуюся сверху дождевую влагу; чувствовал как падают мокрые комья и уже не земли, а грязи. Руками уже обнадеживающе почувствовал тонкие свисающие корешки трав, но то могли быть далеко ушедшие вниз окончания корней высоких трав и даже кустов.

Франсуа почувствовал что засыпается; земля захватила его по самый пояс: ногами он мог пошевелить только с большими усилиями и то благодаря тому, что нарытое было еще рыхлым, не успело усесться. Гребущими движениями ступней, ноги постепенно высвобождались, но вот уже и уперлись в твердую стенку: и сам он согнутый в три погибели: спиной и головой не мог уже никуда двинуться. Необходимо было приступить к неприятной процедуре срытия непосредственно того, что находилось над головой и шиворотом.

Очевидность ошибки все больше выявляла себя вместе с усугубляющимся положением. Куда было спешить, когда целая ночь впереди?... Вспоминая сколько он сползал вниз в последний раз и определяя сколько еще оставалось рыть, тогда бы ни за что не подумал что все так может обернуться. В чем заключался промах? Может он потерял ориентацию и взял в сторону? Очевидная ерунда. Оставалось тогда: то что подкоп велся уже в теле горки находящейся возможно близ колодца и стоит только посильней надавить ногами и на него пахнет свежим воздухом.

Однако усилия в стенку желаемого результата не принесли, пришлось прибегнуть к последнему. Когда появилась возможность разогнуть голову и самому разогнуться. Он воткнул острие лопатки в землю и вдавил ее вместе с рукой далее, пока она не вошла в трещащий дерновый слой! Франсуа с удвоенными силами заработал своим орудием, держа его обеими руками, одновременно попытался выбраться из сковавшей его земли. Сверху его засыпала обвалившаяся земля. Далее его действия стали похожи на движения утопающего, пытающе-

гося выплыть на поверхность и хватануть ртом хоть немного воздуха... Неимоверные усилия, всюду стесняемые, но уходящие...

Наконец он преодолел заваливание и понемногу выбрался, и первое ощущение что выбрался: был свежий прохладный воздух, так как глаза еще по привычке не открыл.

Собачий лай быстро привел его к действительности: ровные газоны травы еще более зеленые от освещающего их света с фонарного столба, рядом лужа, бегущие на него крупные собаки, больше лаящие на него из любопытства. Необычно он здесь появился.

До стены было не так уж и далеко, но дадут ли ему на нее залезть? До того как к нему подбежала первая собака, Франсуа успел отряхнуться от грязи собачьим способом и привстать... Первой налетевшей на него уже с остервенением собаке он удачно попал краем лопатки по голове, так что она даже не заскулила.

Франсуа принялся яростно наносить лопаткой удары в пустоту, по телам собак отгоняя, а больше отпугивая сбежавшую свору. Борьба сопровождалась резким чувством боли; кровотокающих ран. Одной цепко ухватившейся за его руку собаке, которая казалось оторвет кусок мяса Франсуа хватил куда-то куда уже и сам не понял, безрассудно поднялся, собираясь бежать, но был сшиблен с ног прыгнувшим на него своим телом черным псом, выученным на такие прыжки с мастерством. Подняться уже не дали и стали рвать... Франсуа почувствовал как теряет сознание.

Люди Картуша, из тех, что участвовали в деле по-одному, по-двое к утру, а то и с рассветом сходились на базу. Сам Картуш вместе с Саидкой вернулись первыми и поэтому они уже спали, когда на базе поднялся переполох. В их спальную комнату вбежала «богом забытая» старушка с прытью, которой от нее никто не ожидал, которую впрочем никто и не заметил, так как все, повторяем, спали, пока она их не перебудила.

Картуш поднял над кроватью туловище, свесил ноги; тяжело отходил ото сна, протирали сомкнувшиеся глаза, нисколько не обращая внимания на мычащую старуху, указывающую на окно.

– Ну, что там еще стряслось... полиция?

Картуш заметил, что подбежавший к окну Саидка бросился за дверь в одних подштаниках. Через некоторое время на поле последовал и он, но уже одетым и все таким же сонным, нисколько не отходя от утреннего холода и приятных ласкающих лучей встающего светила.

Подошел к группе людей, стоящих вокруг истекшего кровью разорванного (одеждой) Эртени, лежащего возле двух убитых и одной скулящей собаки. Уцелевшая бегала рядом.

Но Саидку он отыскал взглядом, сидящего босиком возле ямы и лужицы.

Небольшая по глубине яма, с вывороченным травяным слоем ему сначала ни о чем не говорила, но потом он догадался по загрязненному виду Эртени, лежащему в беспомощности, что выбрался он именно в этом месте, как чудесным образом прошел сквозь землю.

Перевел взгляд на лежащего и на собак.

– Это все конечно интересно, – проговорил Картуш вынимая нож и открывая лезвие.

Саидка соскочил со своего места, преградил ему дорогу.

– Оставь мальчишку мне, за собак я заплачу.

– Заплатишь – это хорошо. А теперь посмотри сколько нас?

Саидка обернулся:

– Все, кроме Карконты.

– Я его козла зарежу сейчас! – заревел Картуш, направляясь на толпу, а вернее на кого-то из них одного с ножом. – Хватило же наглости еще прийти сюда!

Под горячую руку шефа никому попадаться не хотелось, кто знает что он сейчас разумеет, разбирайся потом... так что все попятились назад. Смелости вторично остановить шефа хватило только Дармаглоту, имевшему неоспоримое алиби.

– Шеф, Гнус не виноват.

– Я не виноват! – выкрикнули из толпы. – Я ехал с вами!... И так же крадю мацал, это каждый подтвердит, – оправдывался тот, на ком лежали кучерские обязанности.

– А кто виноват!?!? Что рыдван сам по себе развернулся и ехал? Странные дела пошли, боговая мать! То без управления едем, на полицию насакиваем... то здесь сквозь землю проходят?

– На вознице все-таки кто-то сидел. Я подошел подумал снова Дармаглот сел...

– Шеф, мы разбирались, все мы вместе были...

– Понятно. Джон Лоу кучерил, накучерил. А Карконта как ушла, она порывалась еще и барахлишко с собой прихватить.

– Хвостов не за кем не было!

– А то смотрите мне, кто заложит это место, потом узнаю, хоть на галерах достану. Ну, и дела пошли.

* * *

Эргени, уж коль себя он так называл, очнулся лежа в кровати во вполне сносном, подвальном помещении, определенном по тому немного влажному и тяжелому воздуху, который образуется только в подвалах.

Комната в которой он находился не имела доступа свежего воздуха и солнечного света, но была освещаемая прежде затушенной свечкой, стоящей рядом на бочке. На ней же он обна-

ружил и чашку с вполне сностным содержимым для человека не евшего вот уже несколько дней и потерявшего столько крови.

Без ложки оприходовав похлебку потянулся за стаканчиком красного вина, но глотнув, выплюнул и отставил сей горячительный напиток в сторону.

– Вы привыкли к хорошим винам? – спросил его узкоглазый азиат из-за двери.

– Кроме морса ничего не пью! – отрезал он, отвернувшись к стене, не желая поддерживать обременительный для его сил разговор, желая хоть немного отдохнуть наедине.

В следующий раз Саидка пришел, когда лежащий на постели о чем-то громко взывал, точнее он и пришел именно на зов.

Лежавший на кровати в бессилии дергал ногами рискуя перекрасить свои пока еще белые, а кое-где уже серые перевязки в красно-алый цвет.

– Э! Я не вынесу этого ужаса лежать таким грязным, я хочу вымыться, черт возьми!

– Сейчас вам нельзя, у вас открытые раны.

– Это что, я буду ждать пока они закроются?! У меня за спиной и на голове земля, ты понимаешь какие муки мне приходится ощущать, дурак?

В сей же момент обозвавшийся получил такой резкий удар в место, где рождается вздох, что после этот вздох у него не родился, пока тот кого звали Саидкой куда-то не ушел. Вскоре затем с чем-то вернулся. Эртени с ужасом понял, что его раны сейчас будут прижигать.

– Духов изгонять?... (далее осекся и на всякий случай не договорил, мало ли за что он получил в последний раз).

Чтобы отвлечь хоть чем-то мысли от предстоящей экзекуции он стал лихорадочно подытоживать свои знания о том месте, где он находится и о шайке, главарем которой являлся Картуш, и где кроме него есть некий Дармаглот и вполне приближенный к нему азиат под кличкой Саидка. Они содержат базу на хорошем уровне с домом и территорией обнесенной высокими стенами и охраняемой злыми собаками. На большом дворе есть нечто похожее на колодец, а в особых случаях и клумбу, от которой будет проложен к подвалам дома подземный ход (без его помощи).

...«убийца, убийца – не дрогнет рука»... – вспоминал он вслух детскую считалочку, чтобы было немного легче переносить доставляемую боль.

После экзекуции, по безжалостному методу восточной медицины, для того чтобы боль прижженных двойным способом ран от возможной заразы с собачьих зубов стала забываться, снова стал вспоминать все то, что ему известно и из-за чего его отсюда просто так не выпустят.

Прошло дней пять, самых мучительных и тяжелых дней, не столько от болящих ран, сколько от того невыносимого состояния на которое он жаловался еще в первый день.

Раны, а тем более покусы затянулись и после проверки Саидка уже не имел возражений, и натаскал в бочку горячей воды.

Дверь осталась открытой, ноги у Эртени развязанные, а в доме почти никого нет. Но он все-таки решил сначала вымыться. За несколько дней, что он ожидал этой приятной процедуры, его желание выросло настолько, что он не мог устоять перед искушением.

После же омовения на чистое тело одеть грязную одежду было просто невозможно, пришлось стирать и полоскать. После смехотворного отжимания еще не набравшими силу слабыми руками, он стал напяливать на себя свои мокрые латы, как вошел с ведрами Саидка.

– И куда вы собрались? – спросил вошедший сникшим голосом, отчерпывая из бочки ведрами.

– Какое тебе дело? В город я собрался.

С ведрами полными воды Саидка бросился за ним. Выходя Эртени даже не стал за собой закрывать дверь на массивную задвижку, наоборот даже открыл дверь пошире.

Выйдя и поставив ведра на пол Саидка вцепился в него, стал заворачивать обратно.

– Пошел отсюда! – оттолкнул его Эртени обратно к ведрам. Но тут же почувствовал за собой полет Саидки, обернулся и при всем своем желании не смог увернуться от удара ногой в бок в прыжке... Врезавшись в стену, Эртени сразу же с разворота напал на обидчика, и даже нанес как-будто два сильных удара... впрочем по непоколебимой голове. Далее ему и самому пришлось отражать поток ударов, от прыгающего перед ним в борьбе как в танце Саидки, который в конце концов доканал его на столько, что он подставился и был подсечен на обе ноги самым дурацким образом.

Сетуя на свою вялость, что он не смог совладать с каким-то маленьким человечком, Эртени со злости налетел на того и начал уже вроде выправлять дела, но кончил более чем плачевно. Его руку как-то вдруг неожиданно свело в судорогах и далее получая страшные удары, уже в лежачем положении схватился за ногу.

– Все, хватит драться... – вынужденно попросил он. Пришлось встать и возвратиться обратно. Руку все так же тянуло и Эртени уселся на корточки, облокотясь спиной на бочку. Саидка подошел к нему, дернул руку как костоправ, ущипнул. Сразу стало легче.

Эртени сразу нашел оправдание своему поражению.

– Ну, ничего, станет мне легче, ты допрыгаешься...

Саидка только посмеялся над ним, отчего его глаза еще более сузились.

– Вы, месье – хвастун!

У Эртени снова повело (уже правую) руку, (после тычка) и раздираемый судорожной болью он через силу вскричал. Снова прежним методом был избавлен от мучений и почувствовал свою руку.

– ... Сайдка всегда всех бить и всех учить бить. И Сайдка никогда больше не будет бить цыпленка (то есть его, Эртени), если он будет хорошо себя вести у Саидки. Если Эртени будет плохо себя вести я буду его бить как эту бочку.

Возле уха Эртени после удара вытянутыми пальцами дощечка бочки проломилась и на его плечо потоком полилась вода. В течение минуты Саидка уделал деревянный сосуд вместе с содержимым так, что по полу валялись только переломанные и разбросанные рейки, кое-где они плавали.

Эртени представилась еще одна возможность бежать. Ночью он как и полагается спал, пока не был разбужен.

– Кто здесь? – спросил стоявший перед ним в темноте человек. Он очевидно пришел только что со стороны и ничего не зная, захотел переночевать там, где обычно это делал раньше.

Эртени не растерялся и вышел в оставленные ему открытые двери (открытые в том смысле, что они не были заперты снаружи на засов). Выйдя на улицу он пошел не к воротам, а в право.

Почувствовавшая его собака, одна из уцелевших шарахнулась от него в сторону поля, оправдывая свое действие предупредительным лаем.

После схватки с Саидкой тело его трещало, руки слушались вяло и поэтому когда он ухватился за гребень стены и ногами соскользнул с того на чем стоял (на чем-то покатом и скользком), руки его не выдержали нагрузки и он свалился вниз, сильно зашибившись головой.

Наутро его нашли лежащим в беспомощности у собачьей конуры и дровяника.

Не поняли – почему он не вышел за ворота? Неудачи как-будто не отпускавшие его на волю.

Глава VIII. Клумба в которой исчезают и ночные неожиданности

Это отвратительное, отвратительное время выжидания.

Сидеть в темноте и чего-то ждать? Если чего-то ждать, то это еще пол-беды, но когда ждать собственно и нечего, и неоткуда. Так по крайней мере может показаться, если схватила хандра и если в душе пустота от безвестности того что тебя ждет в дальнейшем, и даже не то дальнейшее что можно назвать ближайшим, а что есть будущее?

Но вот вдруг этот мрак исчезает и душевная пустота медленно наполняется чем-то здоровым и воодушевляющим: сначала может показаться что это бьет ключом горячая кровь. Но по мере того как становится все лучше и прекраснее, оказывается – хорошее настроение, на первый взгляд безосновательно, но оно преполняет каждую частичку сознания и вот уже никакая критическая мысль не может поколебать безосновательное. И вот уже находится основание.

По всему чувствуется, что пришел Картуш.

За несколько дней, почти за неделю своего отсутствия на базе, Картуш занимался распродажей захваченных драгоценностей, но главным образом ему удалось выкинуть на рынок ценных бумаг первую партию своих.

Сейчас же его дела опять привели на базу и как правильно почувствовал Эртени на счет него. Строя догадки и предположения, лежащий на приятной постели и сам не заметил как в его усыпающее сознание ворвались резкие звуки открываемой двери и свет, ослепивший его глаза.

Вошедший Картуш с Саидкой сразу направились к нему.

– Не вставай, не вставай... – остановил его Картуш.

– Я и не собирался.

– Есть важный разговор, для начала как тебя звать, я забыл?

– Саидка не забыл.

– ... А ты я вижу... горд и спесив. Ничего жизнь обломает... – приговаривал он прохаживаясь через дощечатый лом, но по сухому полу.

– Ну, так что же будем делать? – спросил у Эртени в таком тоне, как будто он облакотившись на подушку и спинку кровати сейчас решал, что делать? – Так я уже давно придумал что. Инициативы с вашей стороны не вижу.

– И не увидишь, ты нужен нам. Страна ждет от тебя великих дел! Она нуждается в удовольствиях и ты должен их ей доставлять.

– Эвона что? Без меня – меня женят?

– К чему ей Эртени-солдат, или даже д'Эртени-офицер. Все юные считают что они чего-то добьются. А потом приходит раскаяние. Оказывается, что офицер... это такой же срач как скажем и вымогатель-ростовщик. В общем тебе предлагают работать на нас.

– Соглашайся скорей, – вскричал радушно Саидка. – Деньги, женщины, роскошная жизнь, все будет в твоих руках!

– Не сразу правда; но ты малый не промах, добьешься. Все зачем ты приехал в Париж ты обретишь без сомнения. Вот Саидка, хороший тому пример. Проверил я его счета так он уже состоятельный человек. И не очень-то старается. А ты, как я посмотрю, пойдешь возвращаться в свет. Ты умеешь возвращаться?

– Ты понял, Эртени? – безэмоционально воскликнул Саидка, – Это настоящая жизнь, среди богатых женщин, на балах, в салонах!

– В самом деле для молодого аристократа эта верная возможность... Ну, дак как? – обобвал свою мысль вопросом, чувствуя что уговоры перешли в упрашивание.

– Не говорю «да», чтобы не подумали о заднем умысле.

– Ти-ти! Ты откровенен как мой одноглазый брат...

Картуш и далее что-то продолжал говорить, но Эртени внимательно присмотрелся к чертам его лица и хотя сейчас они были скорее картошководные, чем острые, он все же кое-что заметил.

Теперь уже его не тревожило и то что о нем подумает отец, подробно вспоминая лицо того кто напал на него у озера, Эртени в тоже время вступил в разговор фразой, удачно выдававшей его заинтересованность.

Заточение как-будто кончилось, потому что после разговора они все прошли наверх за стол, пахнувший по-восточному ароматно и бросающийся в глаза пестротой. Саидка сегодня утром особенно постарался и соглашение прошло в особенно приятной обстановке с прибором полным желтого риса, вперемешку с мясом и прочими специями, от аромата которых, или же от кое-чего другого Франсуа поплывшей головой чуть не рухнул на недоеденное.

Вечером того же дня в министерстве полиции состоялась аудиенция лейтенанта Зэрука у графа д'Аржансона в его рабочем кабинете.

Месяе Зэрук вот уже в течение стольких дней добросовестно выполнял долговременное задание по прочесыванию окраин и был немало удивлен, когда был отозван или как он надеялся ненадолго оторван от задания.

У министра действительно нашлось важное дело. Недовольный тем как двигаются дела у откомандированной им группы, он в тоже время был доволен своим успехом. Ему пришел донос.

В бессилии что-либо сделать, после многократных усилий, непониманий той ямы явного побега, но незнания где Франсуа, Рено пришел к выводу, что нужно написать в полицию, и не просто в полицию, а лично графу д`Аржансону, известного ему как должностное лицо интересовавшееся делами семьи Франсуа.

В своем послании Рено однако не сообщил ни имени, ни причины, по которым на базе содержится узник.

Донос лежал у министра перед ним на столе, как вошел лейтенант Зэрук.

Представившись по форме, он принялся докладывать о выполняемой работе, как был вовремя остановлен графом, любившим ценить время. Та твердолобость лейтенанта, с которой тот понял порученное ему тонкое дело д`Аржансона просто раздражала. Он даже подумал отстранить оскандалившегося на одной вилле Зэрука и только лишь из соображений подготовленности приходилось поручать еще одно дело.

– ... Интересно сколько бы вы еще потеряли время, занимаясь такой ерундой!

– Но, ваше сиятельство!...

– Что, ваша светлость? Дело-то пустяшное, я и то больше преуспел. Вот полюбуйте.

Д`Аржансон протянул лейтенанту анонимный донос Рено. Желавший показать свою осведомленность, что и он не зря постарался, после прочтения месье Зэрук осведомил своего шефа:

– Без сомнения мне известно это место, но... (почувствовав как опростоволосился, начал оправдываться) ... в том саду маков не было, и...

– Каких маков! Вы в своем уме? Не надо же так буквально все понимать, месье Зэрук! Мы боремся с цветочками или с бандой Картуша? – разводил граф руками.

– Ваше сиятельство, я исправлю свои ошибки, пошлите меня устроить облаву. Мышеловки моя страсть!

– Вы так хотите?

– Я вас очень прошу, там классическое место, у меня оно в глазах стоит.

– Да? Ну, тогда отправляйтесь. Кроме того что вы имеете, больше вам в подкрепление сотрудников не требуется?

– Нисколько! Излишняя предосторожность в таком тихом месте только повредит.

– Завтра утром я к вам загляну.

Новенький экипаж уже под вечер глядя, изрядно проехав по улице Трех Экю подъехал к так называемой гостинице «Лютеция»⁹, остановившись у самого входа здания, обветшалого на вид и потому называемого еще лачугой «Лютеция», может еще и в насмешку за броское название. Эпитет гостиницы, каковой она уже давно стала, скорее всего с того времени как делами стала управлять сначала экономная, а потом уже и скаредная старушенция, с ярко выраженными признаками скопидомности, выразившимися в том, что на приведение в порядок обветшалого вида наружности здания денег не выделялось, отчего внешность неплохого в общем-то здания приобрела нищенский колорит.

Вышедшие из экипажа Саидка и Дармаглот вытащили оттуда недвижимого Эртени и повели его за руки, хотя он совсем не перебирал ногами.

Затащив его на самый верхний третий этаж и не видя экономки, которая обещалась им показать пустующую, если так можно выразиться квартиру, без ее показов вошли в помещение.

Перед ними предстала просторная, но не сложная по планировке квартира, состоящая из двух больших смежных комнат, соединенных широким бездверным проходом. Первая комната была значительно уже и в левой стороне у окна имела кухню. Вторая же, шедшая сразу же за ней комната была большой как зала и своими цельными глухими стенами напоминала спортивный зал, разве что не для игры в мяч. Впрочем, когда туда вволокли недвижимого Эртени и уклали на диван, то по левой же стороне обнаружили сплошной ряд больших окон, забранных жалюзи.

Тут же появилась и экономка, и ей тут же был устроен разнос:

– Что это такое? Почему здесь такой бардак; где свечи, где мебель? Где посуда?...

– Есть посуда, и казанки на месте.

– Живо давай марафет наводи! – продолжал греметь Дармаглот. – Чтоб сейчас пришли и все было в порядке!

– А что с ним-то? – испугалась она, указывая на недвижимое тело.

– Что! Что! В титьку пьян, вот что!

На улице Саидка принял изнутри экипажа длинную палку смотанного ковра, перегнутую посредине. Оттуда же раздался вопрос.

– Слышь, командир, тебе подвески для люстры надо? А то столкнемся потом.

В кабинете министра в этот вечер появился последний посетитель в позе скромного просителя. Граф д'Аржансон даже и не поверил сразу что это был Джон Лоу, настолько тот был взволнован и озабочен предстоящим разговором.

⁹ [1] – древнеримское название Парижа

Поприветствовав графа д`Аржансона скороговоркой, Джон Лоу, не дождавшись ответного приветствия принялся излагать свои подозрения, а в конце речи твердо утвердил мысль, что на рынок ценных бумаг попадают фальшивые акции его компаний.

– ... И если так и далее будет продолжаться, это нанесет непоправимый ущерб нашему престижу...

...Чтобы не поднимать панику нам приходится нести большие издержки, а подобное может вызвать взрыв наших дел. И смею вам напомнить, месье д`Аржансон, как вкладчику, сие не может не касаться и ваших восьмидесяти тысяч ливров.

– Конкретно, вы можете указать кто может этим заниматься?

– Это все дело рук Каргуша.

– Вы в этом уверены?

– Несомненно.

– Вы можете мне еще что-нибудь рассказать?

– Только добавить. Акции очень трудно распознать потому что они и подделаны на настоящих, но недействительных бланках.

Джон Лоу так же предоставил списки номеров выкраденных бланков и рассказал о главной беде, о пропаже печати.

«Странно, почему ограбление года сохранилось в тайне», – подумал министр, будучи предупрежденным на счет того же.

– Хорошо месье, – хлопнул ладонью по столу, – Конкретно по вашему делу, могу сказать, что в очень скором времени проблемы могут разрешиться. Завтра я даже могу взять вас с собой на некую такую базу, которую по своему поводу небезынтересно бы было осмотреть и вам.

– На базу!?! – воскликнул банкир, вспомнив то, что ему говорила Кларик.

– Так значит завтра утром я за вами заеду.

Лейтенант Зэрук несмотря на свое клятвенное обещание удачно захватить базу и прежним составом, перед фактом реальной опасности унял свою бравость и договорился со своим непосредственным начальником. Получив от него в придачу еще двоих поехал к месту операции.

Обложив базу своей группой с той стороны, откуда залазил Рено, лейтенант Зэрук стал дожидаться когда двое отряженных, весьма пригодились ввиду нехватки людей, пробегут через поле и перережут выход с задней стороны дома, когда как они чуть слышали дальний лай бросились к стене, довольно быстро перебрались через стены и всем нарядом кинулись к двери дома. Дверь оказалась открытой, из чего Зэрук решил, что нужно кричать:– « Всем находиться на своих местах! Будем стрелять!»

Так он и прокричал все время пока не понял, что поднять с постели тепленькими ему никого не придется и эта мычащая с перепугу старуха и есть все то что им в ходе операции выловлено, а вернее ничего.

То ли это место, о котором говорилось в доносе?

Нужно отдать должное силе духа лейтенанта Зэрука, что после такой неудачи он принялся выправлять издержки своей ошибочной тактики. Нужно было хоть кого-нибудь дожидаться и уж тогда будучи уверенным в поимке хоть одного, захлопывать ловушку.

Зэрук прибег к новой тактике устроить ловушку в самом доме, пока внешнего шуму было наделано немного. Одного из подчиненных отослал прибить разлаявшуюся на цепи собаку, тем полицейским, что стояли у окон задней стороны был подан знак занимать заранее условленное место на крыше конюшни. Дом повторно был осмотрен на предметы для конфискации. Старуху отвели в подвал и заперли. Сами устроились в засаде перед дверью в местах поудобнее, замерли. Все еще скулила побиваемая собака и поэтому её пришлось оставить забившейся вглубь конуры. Все стихло.

Лейтенант Зэрук сидя с пистолетом в руке у самой двери не слышал этой тишины, ему еще предстояло писать рапорт, и как он знал из своей бедовой практики строить изложение своих мыслей было необходимо как можно ближе к правде, но и так чтобы явная ошибка не могла быть поставлена ему в вину, то есть врать как можно правдивей.

Впрочем он вспомнил, что министр грозился сюда к нему приехать и составлять скорее всего нужно было устную речь. Хотя как ему казалось никакой министр не смог бы забраться в такую глушь.

Прочищая ногти и сидя все так же облокотившись спиной на стену, услышал как заскулила затывкала собака.

– Почему ты ее в дом не завел?

– Вы же мне ее убить приказали?

– Я?!...!

Зэрук в негодовании вышел за дверь, направился в правую сторону к конуре (с которой некогда прежде свалился Франсуа) и в которой торчала замотанная бичевой пасть собаки; в то же время почувствовал, что со стороны прохода к нему кто-то направляется. (Собака не зря затывкала...)

С крыши сарая поспрыгивали его подчиненные. Зэрук бросился в гущу завязавшейся драки, но сразу же заметил что кто-то юркнул в выход из прохода за край дровяника. Пока его сотрудники вдвоем подминали кого-то под себя Зэрук бросился вдогонку за вторым... выбежав в поле он увидел буквально в нескольких туазов от себя темный подвижный силуэт убегающего человека.

С криками «Стой!», Зэрук бросился за ним вдогонку, еле удерживаясь от соблазна выстрелить, ведь иначе у стены они оказались бы в равных условиях.

Подбежав к клумбе Картуш ногами пробил середину и зацепившись руками за канат наклонившись вниз исчез. Подбежавший к зияющей пустотой дыре лейтенант Зэрук сначала ничего не мог понять, не под землю же тот убежал? Но чувствуя тут какой-то подвох (тишина) он с психу выстрелил вниз.

Подбегающим сотрудникам (не тем что вязали Дармаглота) Зэрук крикнул :

– Огня сюда!

– Где я вам его возьму? – дерзко спросил Трике и не был спущен вниз тормашками лишь из-за простительности, которой порою тот корыстно пользовался в свой невоздержанный молодой возраст в два раза младше своего патрона. Но затрещину получил хорошую. Когда принесли огонь и взглянули вниз, то в той пустоте обнаружили только отверстие свежевырытого лаза, шедшего должно быть куда-то за ограду, не иначе. Не зря же беглец юркнул именно сюда, со знанием же дела, так что даже не стали мараться лезть проверять в этот узкий сомнительный проход.

...Провидение надсмеялось над ним, думал Зэрук, сидя на прежнем своем месте у дверей, но уже в кресле закинув ногу за ногу проклинал весь неудачно начавшийся и неудачно прошедший сумбурный день состоящий из одних неприятностей.

Знал бы он с каким позором он кончит сию эпопею в скором завтра!...

И вот сейчас после целого дня работы приходилось и ночью сидеть в засаде выжидать возможных визитеров, хотя ясно как в белый день никто здесь уже больше не появится. Таков уж он есть преступный мир.

За ночную работу им денег скорее всего не будет. Как началась эта проклятая идиотская война со всем случались перебои, даже с жалованьем.

Старые служащие отлично понимая, что ловить более нечего и некого начали потихоньку переговариваться; внимание заострилось на высказанном вслух желании рассказать историю про покойников.

Что бы хоть как-то скоротать время послушать что-нибудь новенькое, было бы неплохо:

– ... Значит, на одном небольшом острове...

«Люди стали пропадать «...», – успел понять лейтенант Зэрук знакомое.

– ... Стали пропадать люди, и заметили все больше у кладбища; как пойдет кто на могилку помянуть, так не возвращается...

...Уговорились тогда люди пойти все вместе и обыскать кладбище. Стали собираться, кто вооружаться, короче только к сумеркам и успели прийти. Жутко стало, закат давно уже кончился, а на надгробных камнях и оградах как будто оранжевый свет исходит...

...Многих конечно же потянуло обратно, да еще и фырканье какое-то почудилось, показалось кто-то бежит впереди. Кладбище старое было, неровен час и провалиться можно было, тем более ночью, решили завтра днем прийти.

...Но самые смелые решили остаться на ночь посмотреть что будет?

Лейтенант Зэрук уже знал что будет.

...На следующее утро ждут их ждут, никто не возвращается и вдруг оказывается что один уже давно вернулся весь израненный и в язвах. Его расспрашивали. Он начинал что-то говорить, потом фыркался кровью, так нечего и не вызнали. Тогда стали люди собираться на площади у церкви, стали переговариваться.

...Один старый старик как услышал, что кто-то вернулся сразу насторожился и спросил :

– А он приполз после полуночи?

Ему ответили что после.

– Тогда убейте его, это кровосос...

...Сказал всем, что тот кто возвращается ползком и израненным после полуночи: тот кровосос. И сейчас нужно идти спасать ту семью, где раньше жил кровосос.

Ему не поверили, но тут мальчишка какой-то прибегает, и кричит что слышал ужасные крики в том доме, где жил приползший. Все побежали туда, видят как по улице один за другим в припрыжку бежит кровосос и за ним его жена, горло в крови. Все побежали за ними, но кровососы быстро разбежались и убежали в сторону кладбища.

Тогда мужчины стали вооружаться, решили сегодня же идти выбить всех кровососов, но уговорились, что кто вернется отдельно от всех и после полуночи, всех без разбору убивать.

...Вечером еще они не все вернулись перед полуночью. Рассказывают, что всех кровососов забили и по кускам сожгли.

А один возвращается после двенадцати, когда все уже по домам разошлись. Стучится к своей жене, просит впустить. А она значит, ему кричит чтоб он убирался прочь, он кровосос, так и говорит :

– Да мы же всех кровососов уничтожили, открой, я истекаю кровью.

Она ему снова кричит, что он кровосос, что все кто возвращается после полуночи, те кровососы.

– Да нет же, я тяжело ранен был и обо мне забыли, почему меня не сожгли?

Ну она и открыла. Он фыркнул и накинудся на нее к шее, отсосал немного крови... потом они же вдвоем пошли сосать кровь своего грудного ребенка, но не поделили и разорвали

его. На крики сбежались соседи, но кровососы выпрыгнули в окно и унеслись с лошадиной скоростью.

...Люди стали решать, что им делать, ну а тот старик видел мертвого ребенка, говорит что ловить этих кровососов незачем они и сами умрут, потому что пили уже мертвяцкую кровь, а такая кровь губительна.

Старик сказал, что ждать когда умрут эти кровососы осталось до конца следующей ночи. Тогда люди все до единого собрались на площади и провели ночь там.

...Возле них в темноте кто-то ходил, хотели утащить заснувшего дозорного.

На следующий день кровососов нашли лежавшими на могилах.

Рассказчик молодецки экзальтированно умолк, и установившаяся тишина производила на всех кто еще не спал гнетущее напряжение, пока не вступил в разговор другой.

– А вот мой пращур рассказывал мне, что однажды он возвращался со свадьбы и в морозец. До дома его далеко еще оставалось, решил он на свою бедную голову расстояние сократить, не как все нормальные люди ходят в обход, а через лесное кладбище, да еще и на ночь глядя. Пошел! Выходит из леса прямо на кладбище. На него свинья! Из-за крестов. Выбежала, нюхает его, хрюкает и тыкает в ноги, как будто сбить хочет. А он и бежать не может, потому как знает только побежит конец ему. И оборачиваться нельзя. Свинья видит, что человек наученный, плюхнулась в лужу грязи и исчезла.

– Ты ж говорил, что мороз, а сам про грязь!

Прошел смешок.

– Ну это я так, от себя перепугал, а пращур мне рассказывал все по правде.

– Вот послушайте, что я еще расскажу – снова начал первый рассказчик.

– Ну?...

– Значит жила в деревне одна семья, хорошо и зажиточно, а рядом с ними старуха. Она все им завидовала...

...Купили они, значит, корову удачно и молока много давала и корма не много требовала и все тут. И вот однажды вечером вошла хозяйка в сарай и видит возле коровы занузгнанную черную кошку, глаза зеленым огнем горят.

...Испугалась хозяйка и прогнала эту кошку, принялась доить корову и ни черта из нее нейдет. На следующий день пришли, корова снова не доится и кошка рядом с ней сидит.

...Стало это в деревне известно, к ним одна бабка- повитуха приходит и говорит, что как ту кошку увидите так перебейте ей задние ноги, тогда известно станет кто молоко таскает? В общем так и сделали. На следующий день соседку не видно. Потом глядь, а она на обе ноги хромает.

– Она ведьма? – спросил Трике, – А еще что-нибудь расскажите...

Зэрук приятно зевнул и решил задремать, снова слыша о какой-то семье, которая жила на окраине деревни (Если бы он знал!... Чем это ему обернется).

– ... А дом их окнами смотрел на кладбище, и стали они замечать, что после каждой ночи кладбище все ближе и ближе к ним.

«О -о! Это уже что-то новенькое!» – подумал Зэрук сквозь дрему.

...Тут конечно и не только они забеспокоились и решили переезжать. Уже и вещи собрали, все... но в тот вечер ушел брат мужа на охоту, говорит в последний раз с местами проститься, может на медведя поохотиться, места там глухие были.

Улеглись они спать. Вдруг ночью чувствуют: во дворе кто-то топчется и собака не лает. Подумали, значит свой. Подходит муж к окну и: отходит, сказать нечего не может и смотрит только в окно.

– Кладбище совсем близко.

...Жена из постели вылезает, подошла к окну и вдруг как заорет. Кладбищенское зарево осветило окно и они увидели что на них через окно смотрит его брат. Лицо белое, белое и стеклянные глаза с блеском кладбищенского марева. В дверь стало тереться что-то шероховатое...

За дверями и раздался страшный крик. Даже визг... не путайте дверь того несчастного дома с дверями дома базы, у которой сидели полусонные полицейские, попросывавшиеся в крике и бежавшие вместе со всеми по лестнице наверх, уже когда оглядываясь, только тогда по- настоящему перепугиваясь.

Вслед за своей белой рукой в украденной дамской перчатке, Гнус решивший так подшутить, просунул в дверь и голову.

Ничего не поняв, почему там полицейские мундиры, Гнус отпрянул назад и растворился во тьме ночной, в которой бы ему и кладбище то – как домом родным показалось.

Сбежавшиеся в комнату Картуша полицейские сбились в углу у кресла на которое уселся довольный Зэрук.

– Что там было – то?

– Белая рука...

– А про что рассказывали? – продолжал издеваться Зэрук над тем идиотизмом, который они здесь развели, – А кто визжал?

– Трике, кто же еще.

– Вот дурак! Иди проверь, что там было?

– Сначала за дверями завизжали... И я туда не пойду: здесь и так нечисто. Тот человек как исчез от нас?

Зэрук смотрел на полицейских в три-четыре раза старше и опытней сопляка Трике, побывавших в разных переделках, исполняющих и не такие задания, а все они мялись возле него рядом, уставившись в сторону двери.

– Вы осторожней к шторам дверным не прикасайтесь, а то раздвижными оказаться могут.

Трике раздвинул черные драповые шторы, стал раскрывать окно.

– Кладбище там еще не подошло? – продолжал серьезно насмехаться лейтенант Зэрук, удобно располагаясь в мягком кресле.

Дверь комнаты стала медленно открываться (!) ... С гулким стуком закрылась... И хотя по ногам шел приличный сквознячок, ему мало кто придал значения.

– Ну вы постойте, а я поплюю.

Дверь продолжала хлопать, а Зэрук чувствуя приятный ветерок в лицо подумал вздремнуть. Вместе с этим его распирало любопытство: всю ночь они так простоят?...

Пробудился лейтенант Зэрук при утреннем свете от глухих шагов поднимающихся по лестнице. Его сослуживцы тоже просыпались, вскакивая с пола и двое из них смекнув в чем дело, смело влезли в окно, собираясь сигануть вниз со второго этажа. Впрочем последнего Трике, все же задержали.

Ну ладно, старина Дюпре в свои полста скрываясь от позора, спасая свой авторитет, который он наработал за свою долгую безупречную службу спрыгнуть вниз не побоялся... но чего было стесняться такому цинику как Трике, уж глядя на его глупую рожу можно было понять что с него взять нечего.

Лейтенанту Зэруку бежать было некуда, но нужно было хотя бы встать, чем хоть немного выправить свое положение, но нет же он продолжал сидеть, приходя в себя после приятного сна и ничего его не поднимало.

Бухающая дверь отворилась настежь и в ней показался комиссар д`Эбержеволь.

Лейтенант Зэрук как положено хотел встать.

– Не надо, сидите так! Не двигаться! – кричал на них комиссар полиции, – Сейчас я вас покажу!...

...Ваше сиятельство! Ваше сиятельство! ... Идите, пожалуйста сюда! Вы такого еще не видели.

По лестнице слышались поднимающиеся шаги нескольких человек. Комиссар обернулся :

– Не двигаться я сказал! – крикнул тому кто перед приходом столь вознесенных должностных лиц, хотел подняться с корточек.

Лейтенант Зэрук молча выполнил приказ и не являл собою ни малейшего желания двинуться или даже протереть слипающиеся глаза. Он засыпался по уши, так что вошедший министр (вместе с Джоном Лоу, стоявшим сзади) так и не смог встретиться с ним взглядом...

– Это что, месье Зерюк? – начал спрашивать его министр отдавая дань аристократической традиции каверкать фамилии, в данном случае по известным причинам.– Это вы такую засаду устроили по всем правилам военной науки? ... Кто войдет сюда и закроется – наверняка будет арестован!

– И с захватывающим маневром, – вторил комиссар

– Что ж вы молодые старика прыгать заставили? – вопрошал министр уже не удерживая улыбку, отчего и лейтенант немного улыбнулся.

– Встаньте Зелюк, когда с вами говорит генерал – лейтенант!!! – заорал на него комиссар д’Эбержеволь – Сейчас же будете разжалованы!!!

– Нет, вы погодите, месье комиссар, может он нам Картуша поймал, – говорил граф д’Аржансон, так до сих пор и не понимавший до конца, что здесь к чему? – Месье лейтенант, вы арестовали мне Картуша, как клялись давеча? – спросил он стоящего по вытяжке Зэрука, даже Зерюка. Про арестованного (Дармарглога) лучше было не заикаться, иначе могло так оказаться, что задержанный за то время сбежал. И месье Зэрук продолжал обреченно стоять с виновато опущенными глазами.

Граф Марк-Рено-Вуайе д’Аржансон перевел взгляд на сразу засомневавшегося Трике.

– Чем вы все это мне объясните? Месье Зэрук?

– С дураками поведешься и сам дураком станешь, – прошептал лейтенант.

Спускаясь вниз граф д’Аржансон, комиссар д’Эбержеволь и Джон Лоу весело вспоминали старика Дюпре, после преземления, прислонив руку к козырьку кителя, закрывая ладонью лицо, словно журавль крылом, сразу шарахнувшегося в сторону с глаз долой.

Глава IX. Сожительство

Просыпаться на новом месте всегда интересно, тем более для Эртени, сразу почувствовавшего большое облегчение и удовольствие. За окнами звуки большого города, а не тишина базы.

Сон был как будто не плохим, хотя и наркотическим, однако последствий как после первого раза не чувствовалось и прекрасного расположения духа ничего не омрачало. Саидка спал поблизости и что интересно на полу, завернувшись в одеяло, как спит солдат в походе, завернувшись в плащ.

Не успел Эртени свесить ноги, как чуткий Саидка уже поднял голову, глянул в его сторону, продолжая браться за старое.

«На этот раз у тебя ничего не выйдет» – подумал Эртени, натягивая на себя свою одежду и на вежливое утреннее приветствие, спросив на счет того почему он не хочет спать по-человечески? Ему и самому можно было догадаться почему. Но Саидка более чем скромно объяснил своей привычкой спать таким образом и отрицательным отношением к мягкому...

– Сильный мужчина, не надо нежиться. Открыл глаза – сразу вставай! Поспишь на мягком, весь день плохо.

– Интересно когда ты себе жену из Китая выпишешь, ты ее тоже будешь заставлять с собой на полу спать? – рассмеялся.

– А как вы думаете, у нас только на циновках спят!

Оправдания Саидки у Эртени не выдерживали критики. Старый черт продолжал его как дитя опекать и не хотел сознаваться в том. Во всей квартире присутствовала только одна постель и отведена она была именно ему.

По утрам Саидка занимался физическими упражнениями и Эртени в то утро представилась любопытнейшая возможность понаблюдать как тот выполняет удивительные и всевозможнейшие кульберты, сальто и па на маленьком прямоугольном пятчке балкона. Дальше у него по распорядку шло омовение холодной водой до пояса и лишь после он подошел на кухню, где уже давно хозяйничал Эртени. Огонь среди битком набитых поленьев у него так и не разгорался.

Ушел Саидка как-то неожиданно (закрыв его на смехотворный замок) так что Эртени и не успел у него спросить о чем хотел. Не представилась ему такая возможность и в следующие дни, но главное что из разговоров с Саидкой выяснилось, что тот ходит на сборища воров и бандитов в так называемый «двор чудес», а иначе в один из притонов, где околачиваются темные личности. Из разговоров можно было понять и даже представить себе полную картину сборищ или вернее даже простых сходок: на дело, после дела, определенных групп и лиц преступного мира Парижа.

Находился тот притон (лишь слабое подобие прежних «дворов чудес») глубоко в провале приземистого городского здания, так что войти туда можно было лишь спустившись по лестнице вниз. У проходов стояли «на шухере», но Саидка всегда проходил беспрепятственно.

Застав Дармаглота на прежнем своем месте за столиком и за пивом, у него всегда можно было справиться о Картуше, как и вообще обо всем другом.

Вызволненный, или вернее, бежавший из участка Дармаглот сейчас с горячки гложил свое пиво и был хмур, и зол на всех и вся.

Картуш сразу предупрежденный, появился откуда-то со стороны подсобной буфетной комнаты, или вернее даже заведения, где король воров предпочитал обретаться, не показываясь сильно на глаза и где обычно игрались партии на большие ставки.

К образовавшейся компании подсел веселый Гнус, прозванный уже Белая Рука за свои потешные рассказы о том как он перепугал своей украденной дамской перчаткой, дюжину полицейских. За этим столом, как ни в каком другом месте, ему полностью поверили и охотно выслушали даже по второму разу.

– Нет, ну я как вспомню, как подхожу к двери... чувствую по голосу байки про покойников травят. Ну не думал я, что там фараоны сидят, можете себе представить, как здорово... Ага, значит слушаю: у них там кладбище к окну подошло в дверь стало стучаться... Тут Гнус «Белая Рука» долго не мог прийти в себя от схватившего его смеха, заразившего на громкий хохот и остальных присутствующих в притоне!... Я...я на самом страшном месте натягиваю свою белую перчатку (показал свою руку в длинной чуть ли до локтя дамской перчатке) Открываю чуть-чуть дверь, визжу, руку протягиваю... Потом со смеха не удержался, туда повалился... Фараоны так смывались...

– Ладно, иди. Нам поговорить нужно, отправили они от себя задыхающегося все еще не перегоревшим хохотом Гнуса, этим случаем добавивший к своей кличке (читай имени) столь почетной и всеми признанный эпитет, навряде того как у савойского графа¹⁰...

Нужно было решать как быть с базой? И жалко было бросать, но что поделаешь, сейчас при каждом удобном случае «легалы» будут кидаться только туда.

– ... В общем дело такое, нужно сходить к посреднику и пригрозить, если он не вернет паи обратно, пусть пеняет на себя. Мы предупредили, а там сам пускай разбирается.

– Скользкий уж больно этот посредник, лучше сразу припугнуть, – решил Дармаглот.

– В печень пройтись, а то и в скулу никогда не мешало, И возьми этого с собой аристократа, у него я знаю язык поставлен хорошо, аргументы приводить будет.

– Не надо пока трогать, – сказал Саидка

– Что не надо? – грубо спросил Картуш. – На дармовщину живет, пусть отрабатывает свое.

¹⁰ [1] граф Савойский Гумбольдт Белая Рука (IX век)

Картуш схватился за карман, Так и есть – деньги свиснули.

– Ну какая сука этим занимается!? – проговорил он с ужасной гримасой лица – Если не будет возвращено, кастрирую! – не оборачиваясь бросил в толпу зряшное обвинение, ради устрашения и поднятия себе тем самым духа, подавленного долгой отсидкой под землей в том самом проходе, за который Картуш должен бы был по идее быть благодарным Эртени, а не укорять куском хлеба, что значило уже был зряшен вдвойне. Рассказня Гнуса его угнетала, почему он его и погнал.

Лейтенант Зэрук явился по вызову к министру графу Д'Аржансону с докладом о проделанной на базе работе и одновременно с рапортом в письменном виде об освобождении его с занимаемой должности, который был конечно написан не от чистого сердца, но так в конце концов было и положено, и лучше.

Министр к удивлению лейтенанта Зэрука принял его радушно, а не надменно, как того следовало ожидать и надежда снова слабым лучиком затеплилась в его душе. Но патрон протянул руку за бумагой, которую он держал в руке и рапорт о увольнении попал на прочтение к министру, считавшему сначала что оное относится к делу.

– Что ж, месье Зэрук, похвально что вы так осознаете свои ошибки. Но с этим (приподнимая бумажку) пока повременим...

Лейтенант Зэрук получил топорную работу следить за базой и следующую неделю, но и за это был благодарен, так как не чаял более носить офицерские эполеты.

Как только он откланявшись (с ордером на слежку) закрыл за собой дверь, в папку по делу банды Картуша попала еще одна бумага.

Эртени вернулся с улицы усталым и недовольным.

Саидка колдовал на кухне, распространяя вокруг ароматнейший запах. На него он глянул укоризненно, всем своим видом давая понять что уходить ни куда не разрешалось, и продолжил напевать свою песенку :

Это было в Кашгаре

На конном базаре

Там я встретил китайнку

Красавицу...

– Снова « Пицца богов»? – спросил Эртени проходя в зал, где на свежееотдраенном полу (чувствовалась влажность). Во всю середину зала был расстелен большой персидский ковер (тот самый что Картуш прихватил из дома Лоу и который Саидка спас во время крушения). Что оказывается значит и из больших вещей не всё было потеряно.

Удивительно живой был человек этот китаец Саидка, ни минуты стагнаций, все в движении и движении, от одного дела к другому и ничего полезного при этом не упуская, как например прихваченная им где-то газета « Журналь де... » которую было очень приятно взять в руки усаживаясь на чистый ковер и облакачиваясь на диван.

– Слушай Саидка, – спросил он наконец – Ты не помнишь какую я называл улицу в Сент-Антуанском предместье, куда я ехал... Как головой о стену трахнулся, так как все вышибло.

– Сент-Антуанское предместье большое, – позлорадствовал Саидка, может и помнивший улицу Планш-Мибрей, о которой говорил Эртени, сидя в колодце.

За чтением и одновременным презабавным разговором с Саидкой Эртени вдруг остановился. Где-то он прочитал или услышал от Саидки о том, что кто-то в чем-то достиг совершенства? Кажется это молвил Саидка своими собственными устами, так как текст газеты был на совсем другую тему.

– Так в чем же ты достиг полного совершенства? – спросил Эртени, чем ввел того в стеснительное положение. Когда Саидка говорил сам, у него это вышло как-то не так вызывающе, тем более что вопрос был очень сильно перефразирован от побудившей этот вопрос мысли.

– Полное совершенство – это только Бог. А я говорил за другое. Я постиг тайны моего ремесла.

– А-а! Ну да! – многозначительно протянул он и отвернулся продолжить чтение. Однако газета была вырвана из его рук и ему (все так же обращаясь на « вы », что очень его забавляло) было предложено запрятать протянутый луидор, пока Саидка отойдет в сторону, что Эртени и сделал, положив монету в карман, после чего принялся за газету.

Подошедший Саидка недолго думая достал луидор у него из кармана.

Выведенный из себя Эртеми отложил газету, снова взял найденную монету.

– Сейчас будет недолет твоей мысли. В общем если не находишь с первого раза – пеняй на себя. Договорились?

– Ой нехорошее что-то задумал...

Эртени приглядывая за Саидкой, отошедшего к проходу в коридор (будем так называть, раз уж там находились и кухня, и туалетная комната и двери выхода на лестничную площадку) сам же покрутил несколько раз в руках золотой кружок, стараясь при этом не кряхтеть, хотя напряжение от прикладываемых сил пальцев было немалое.

Далее по стигбу разорвал на первый взгляд мягкое золото и позасовывал половинки за плотные голенища сапог.

– Все!

Подошедший Саидка долго прохаживался возле развалившегося у боковины дивана Эртени, как будто нисколько не отрывавшегося от чтения.

Наконец он откинул газету: дальше пошла такая дрянь, что ему претило ее читать. Саидка полез к нему в сапог. Достал со вздохом удивления.

– Вот и катись с ним ко всем чертям!

А Эртени уже нужно было идти на улицу, он давно собирался и даже уже как помниться надел свои сапоги.

– Гоните месье вторую, – вцепился в него останавливая Саидка, – Она в сапоге.

– Ты уговор помнишь? Один раз! Теперь поздно каяться... Катись я сказал! – уже строже, но был толкнут на диван и все его усилия остаться были пресечены ударами без пощады в определенные места.

– Черт возьми, – возмутился Эртени, – Давай учи своим приемчикам!

Он снова получил возможность усесться.

Саидка серьезно оглядел набивавшегося к нему в ученики, как будто стараясь понять искренние желания сидящего или тот имеет задние мысли, целью которых является затушевание того факта, что вторая половинка луидора так и не была возвращена.

– Вы серьезно намерены заняться Джиу-Джицу?

– Даже и не знаю. Мое дело – шпага. Но неплохо бы получить гуманитарные знания и лишь кое-что из практики, все равно делать нечего.

Было видно ученик отменил свой выход в город и собирается всерьез послушать.

– Борьба вас не интересует?

– Нисколько, только удары, механика.

– Так не получится, это перескок вас ждет большое разочарование. Борьба Джиу-Джицу – народная борьба и ведется против вооруженного обидчика, чаще всего это либо солдат, либо бандит. На востоке монахам всегда туго приходилось от тех и других. А своего оружия иметь не разрешалось.

Приходит солдат, приходит бандит: что делать? Своей мотыгой деревянной на железное оружие? Нет только на свои руки и ноги можно надеяться, они не подведут.

– Рука крошит,

отточенную сталь!

...Но я сторонник стали и мне нужно знать кое-что против таких как ты.

– Не нужно! Это придет только через постижение тайны техники удара! Не голова должна знать, а чувства и выработанная рука. Только практика!

– Думай не головой, а руками. Понятно, переходим все же к некоторым теоретическим знаниям, которые все-таки должны сохраняться даже при такой рубиловке.

– Вас интересует указанные места, – улыбнулся Саидка.

– В общем-то нет, я знаю все мало-мальски уязвимые места (в его понимании человек собою представлял одно целое уязвимое место), так что нужно только правильнее бить и главное сильнее.

Вместо ответа в опровержение сказанному, Саидка подошел и резко, но даже как будто слегка ткнул Эртени в то место, в котором даже нельзя было предположить что через него можно парализовать движение рук и вызвать сильно схватывающие судороги...

– В теле человека очень много есть нервно-болевых мест, но простому дурному удару кулака они недоступны, нужно иметь большую сноровку, исхитриться в борьбе точно попасть в нужную точку.

И для Эртени началась тяжелая практика, поначалу даже изнуряющая с самого утра и чуть ли не до самых сумерек, прерываемая правда большими промежутками времени на еду и прочая.

Поначалу, конечно, он внутренне возмущался таким надрывом над своим обычным состоянием тела, но вскоре привык и уже после «занятий» не чувствовал полнейшей усталости, когда еще к тому же не давали отдыхать: ни сознание того что это вредно, ни Саидка, который наиболее ревниво следил за его поведением после тренировки.

Сначала Эртени с трудом соглашался со своими посяганиями на личную свободу, но понимая, что ничего не пройдет даром не протестовал, а потихоньку привыкал, отвыкая при этом от своих прежних бессистемных тренировок на шпагах, с разговорами и долгими разборами.

Сейчас он стремился подчинить все мускулы своего тела, реакцию, внимание, движения. Все это так увлекло, как ни какое просиживание в библиотеке Обюссонского замка за весьма интересными материалами.

В довершение ко всем прочим лишениям Эртени пришлось свыкнуться с тем что хорошей пищи ему уже не пробовать: острое, и хлеб ему так и было сказано забыть. Все больше пришлось довольствоваться чем-то странным и однородным.

Дни понеслись один за другим составляясь уже в недели и однажды проснувшись еще затемно Эртени ужаснулся при мысли что он бездействует!

Лежа на диване и чувствуя бодрость тела и ясность ума, он в то же время находил себя потерянным. Столько невыполнимых и накопившихся дел! Мало того он даже не спросил Саидку о одноглазом братце Картуша, хотя и узнал что об этом можно справиться не только у самого Картуша, но и у Дармаглода, как ни странно.

Где Рено, где дом тетушки ..., где синий фиакр? Ему захотелось бежать на поиски, но он не побежал.

Саидка мог загрести его на свои тренировки, но сейчас ему на это начихать, и ушел он только после того как плотно подкормился на кухне.

Саидка чувствуя в нем решительность не стал сбивать его настрой ни единым вопросом, может быть еще и потому что проснулся каким-то вялым и явно с упадническим настроением. Может принял на ночь дозу опия; а может и наоборот принял опий, когда повторно лег спать. Чувство какой-то необдуманности, неначатости усилилось еще больше, когда Эртени вышел на бледно-светлую улицу. День обещал быть пасмурным, но теплым, что в какой-то степени было даже приятно.

Много сомнений посещали его тотчас, как он начинал думать с чего начать? Франсуа не любил такое положение, когда и так можно было сделать, и с того начать, ну например как начинать искать Рено в полиции справиться, или же отыскать то место, куда они с ним ехали, какой-то дом по-видимому. Что за напасть: еще же лежа припоминал этот дом, а сейчас забыл, так же как и начисто забыл название улицы. Хорошо что еще не забыл кто он и зачем сюда приехал!

Растерянность, одновременно с решительностью действий (лучше когда наоборот) продолжала держать его в том состоянии, когда он не знал что делать, но что-то все-таки делал: он шел, и не куда-нибудь, а в Оперу и по дороге думал, и как ему казалось правильно. Всегда когда мучают сомнения забудь о них и вопросы разрешаться сами собой. Что бы решить на первый взгляд неразрешимый вопрос, его следует прежде всего откинуть прочь и потом в одно прекрасное время вопрос сам о себе напомнит, когда разрешиться (скорее всего неожиданно).

И в самом деле: если помнить что тебе надо и не помнить отравляющий душу клубок вопросов, то и действовать будет легко: не думая где здесь по-близости могут находиться конюшни, нежданно-негаданно столкнешься с фактом стоящих у Парижской Оперы большого количества экипажей дожидających окончания представления, у которых и можно будет спросить о синем фиакре или же о доме тетушки Антиген! Вспомнил! Вот и полезный побочный эффект. Когда не нужно засорять мозги лишним (имеется в виду вопросами).

Шесть ливров у него были в кармане, благодаря уступчивому Саидке, который согласился поменять немного большую его половину луидора. Теперь оставалось подумать о своем гардеробе: сапоги – ничего, главное еще новые. Вот правда костюм его заметно полинял, но и не на переднем же крае он собирался сидеть, черт возьми!

По окончании оперетты Франсуа вышел на улицу ошеломленным. Это было что-то необыкновенное, совсем другой мир, звуки музыки продолжали воодушевлять его даже когда он уже и позабыл мелодию.

И хотя день из-за этого культурного похода был почти что можно сказать потерян (остальное время уйдет на возвращение), Эртени ни о чем не жалел. В таком пробужденном состоянии становится даже как-то лучше и ясней ощущать себя в этом мире, в котором до этого ты жил как-будто неосмысленно. И вот как будто ты себя ощущаешь, стоя на улице совсем по другому, чем эти люди: мужчины, женщины которые идут ли, рассаживаются по экипажам, но все это делают скорее машинально и тут же забудут что видели и слышали, а главное чувствовали хотя бы четверть часа тому назад...

Внезапно сквозь задумчивое состояние его слуху донеслось до восторга знакомый голос и особенно произносимое.

– Франсуа! – еще раз позвали его сзади и он обернувшись увидел что с подножки кабриолета спрыгнул и подбежал к нему...

– Ковалоччо!

– Какими судьбами, вот не думал тебя здесь встретить!

– И я не думал, что в Париже так тесно!

– Но для нашей встречи существовала закономерность. Нет ничего удивительного в том, что ты приехав в Париж сходил в Парижскую Оперу.

– Но что тебя потащило сюда? Признайся какая-нибудь разодетая певичка, за сценой: куртизанка.

– О, ты представить себе ее не можешь! Она так прелестно ведет себя на сцене, что все аплодисменты только из-за нее и для нее. Да ты и сам мог видеть, во второй части...

...Я каждый день прихожу в Оперу только ради нее.

– Как должно быть это скучно, кидать букетики, посылать воздушные поцелуи и тихо восхищаться. Давай прекратим эту тему.

Молодой итальянец охотно с ним согласился и для продолжения их удивительной встречи пригласил к себе домой, куда они и доехали на наемном экипаже (с которого Ковалочко слазил).

По приезду на свою квартиру Ковалочко сразу распорядился на счет хорошего ужина, который и был обещан консьержкой в скором времени, а пока же друзья удобно расположились в маленькой (как раз на одного) обставленной и даже заставленной квартирке с преобладающим колоритом темно-коричневого цвета.

– Хорошо устроился, – проговорил Франсуа, сравнивая ее с той залой, в котором сам жил. – Стал хорошо зарабатывать на фехтовании?

– И самое главное я однажды крупно выиграл. Начал как-то даже незаметно за компанию, потом пошло, пошло, золотые так и текли ко мне. Точно сколько я выиграл я не могу сказать но что больше тысячи, это уж точно. Но для такой квартиры никаких денег ненапасешься. Ужасно дорогая. На следующей неделе буду переезжать – быстро говорил Ковалочко, стараясь сказать как можно больше, но тут выражение его лица приняло крайне вопросительную форму.

– Кстати, а ты где живешь?

Затруднительный вопрос.

– ...По твоему вопросу можно подумать что ты переезжаешь к тетушке Антиген.

– Именно так! А...

– Постой Капече: нет я там не живу; ты понимаешь какое дело скажи мне улицу, забыл, совсем название улицы, где находится дом тетушки Антиген.

– Да Планш- Мибрей!

Франсуа чуть не сплюнул с досады: Ковалочко тем временем подсел к нему с деревянно-клетчатой коробкой.

– Давай в шахматы сыиграем.

Франсуа охотно принялся расставлять шахматные фигурки.

– Капече ты наверное бывал в доме тетушки Антиген.

– Естественно.

– Ты встречал там Рено?

– Интересно, это очень интересно. Улицу зыбыл. Рено потерял. Так, а ты с ним приезжал?

– С ним-то с ним, да вот только разминулись наши дорожки. Мне в другую сторону! Так что я тебя хотел бы попросить когда будешь в следующий раз у тетушки Антиген справься у нее о Рено, он мне очень нужен.

– Обязательно!

Сам же Франсуа сказал что не может зайти к тетушке Антиген так как слишком занят и попросил пока не называть его имени (намекнул на то, что для того чтобы не обидеть невзначай), но для Рено, что по нем справлялся его попутчик.

Ковалоччо быстро сдал партию в шахматы и друзья уселись за принесенный ужин и их прерывающийся ни на минуту разговор коснулся военной темы.

– ...А ты знаешь? – спросил Ковалоччо – Австрийцы высадились в Испании?

– В Каталонии, и разбили этих испанцев у Барселоны. Вояки эти испанцы!

– Ну, ты слишком строго судишь, австрийцев-то было как всегда куда больше.

– Однако ж они были не на своей земле и один единственный удар все решил бы.

Из-за этих союзников такая каша заваривается, уже пять фронтов!

– Сколько?!

– Посчитай сам.

– Фландрия, Бавария, Испания, Италия...

– И вторую Испанию.

– А при Кадисе битва!

– И ту прошляпили. Против какой-то вшивой Португалии. Они без французов ничего не могут! Я говорю, Людовик только из-за них на мировую пойдет, да он уже и так просит.

– Не будь так категоричен к другим нациям. Посмотри на свою.

– От Испании взамен на мир уже и отдавать ничего не придется – продолжал ехать на своем коньке Франсуа, слушая только себя.

– Значит и Тоскана немцам отойдет.

– Так а какая разница австрийцам или испанцам? Нет причин кручиниться.

– Ну да! Это не просто: столько веков с испанцами; сжились, и тут немцы. Новые порядки, немецкий. А после испанского и французского язык мне в голову не полезет.

– Так ты собираешься вернуться на Родину? – разочарованно протянул Франсуа.

– Все может быть... под луной.

Друзья еще немножко посидели за столом; потом Ковалочко засобирался. По времени ему уже нужно было отправляться давать урок, о чем свидетельствовала и прихваченная им шпага.

– ...Так поздно? – спросил Франсуа когда они сбегали по ступенькам лестницы вниз.

– Ничуть! Вот только по ночам другая такса.

Они долго шли в сумерках улицы, напоенной теплым безветренным воздухом, напоенным ароматом весны и даже, что интересно, совсем не говорили.

Встретившийся им экипаж Ковалочко хотел было не кстати, уступить Франсуа, но тот не согласился даже на то чтобы его подвезли. Мысль, что за него будут платить считалась у него уязвительной.

– Но значит ты поспрашиваешь тетушку, «что бы она Рено предупредила»

– Конечно, о чем разговор. Я в следующий раз поеду к ней только в пятницу, так что в субботу утром приходи ко мне если сможешь, я буду свободен.

На улицу Трех Экю Франсуа вернулся поздно; вошел в лачугу «Лютеция» в открытую дверь на верхнем этаже уже снова в качестве Эртени.

В жаркой кухне возился Саидка напевая свою :

Это было в Кашгаре

На конном базаре

Там я встретил китайку

Красавицу...

Последние слова Эртени так никогда и не мог разобрать как не прислушивался, может какое-нибудь слово с китайского, которое Саидка пожелал перевести или же не мог, или же пожалел рифму.

Это было в Кашгаре

На конном базаре

Однако же эти Кашгары и базары продолжались и Эртени не выдержал:

– Прекрати Саидка, все нервы истрепал!... Лучше расскажи мне о брате Картуша.

– А что можно рассказать, мальчишка и есть мальчишка.

– Так подожди, мальчишка то выходит из молодых да ранних?! И глаз успел уже где-то потерять, и старший брат его не любит допускать в свои дела!

– А, это старший брат по отцу. Последнее время я его нигде не вижу, но Картуш должен знать куда он уехал?

Эртени не поев, сразу улегся на диван. Из ночного разговора он совершенно неожиданно узнал о черном рынке и что там торгуют всей контрабандой и награбленным: и весьма интересно что ведется незаконная торговля под вполне законной вывеской, и что Саидка одно время весьма преуспевал.

В ходе беседы Эртени без всяких обиняков (ведь Картуш его ограбил) и без всяких уловок «займи» и тому подобное сказал, что денег у него ни су, а ему они очень нужны.

Немного добродушный китаец обещал дать.

Глава X. Пустота скитаний

Каждый новый день, вставая с подъемом Саидки, Эртени чувствовал голод и усталость после вчерашних поздних хождений. Но как всегда говорил Саидка: упражняться с ощущением слабости приносит наибольшую пользу. Движения замедляются, появляется возможность для более точной отработки тех или иных ударов. И действительно после возвращения сил Эртени себя чувствовал в превосходной форме и перед обедом у него получалось намного лучше, чем утром.

После же обеда обычно до самого позднего времени он уходил в город, все больше получалось что бесцельно бродить, хотя всегда находился повод, как например в субботний день, потраченный на ничего не давший приход к Ковалоччо. Его не было дома.

Эртени не мог себе позволить ездить на наемных экипажах и потому неудачный поход занял у него весь день. Однако же такие расхаживания нисколько не отягощали и даже наоборот становились все более увлекательными по мере того как Эртени все больше познавал этот замечательный город, про который кто-то правильно выразился (в одном из питейных заведений с диспутами) что Париж – это страна в стране. Эртени любил посещать эту харчевню, главным образом чтобы послушать собирающихся там краснобаев, непременно заводящих интересные политические споры и даже иногда диклорирующие вслух свои стихи.

Париж город действительно разноликий: здесь слушаешь про «наших Камизаров», а пройди чуть по улице далее вглубь и попадешь в грязный притон, где стоит посидеть лишь из интереса. Собираются там все больше люди дна и их нравы и арго достойны внимания любознательного человека. Но самые интересные притоны бывают конечно те, которые как в разверзшееся чрево уходят вниз. Там и атмосфера самого заведения как-будто придает идеальный колорит неестественной освещенностью, да и хотя бы одним уже соседством с клоакой¹¹. Люди дна, на дне себя чувствуют как нигде лучше, и вследствие этого естественно.

Свои посещения столь неблагополучных мест, а главное свой интерес к ним Эртени оправдывал поисками сведений, но велись они довольно пассивно.

Больше всего Эртени любил после утренней усталости сходить отдохнуть в парк Монсо, находящийся не так далеко, и до которого путь проходил через приятные глазу улицы и площади. В парке он засиживался подолгу, но чаще всего гулял по чистым аллеям, пока не становилось настолько темно, что пора было возвращаться.

В следующий раз к Ковалоччо Франсуа заглянул, когда тот по всем расчетам уже должен был переехать на Планш-Мибрей, и на свою удачу застал его дома. Экономка тетушка Антиген провела его на второй этаж к квартире, соседней с трехкомнатной.

Ковалоччо был казался рад его приходу и сразу же извинился за то, что его не было тогда утром. Франсуа и не сердился, но воспоследовавшие за извинениями объяснения нисколько не удовлетворили его, даже наоборот разочаровали. Оказывается оставшись ночевать у хозяев этот слюнтяй так и не смог себя заставить рано подняться, а вернулся из гостей только днем.

¹¹ [1] Подземные коридоры, по которым велся сброс нечистот.

Сейчас Ковалоччо был не против загладить свое неловкое виноватое положение состязанием на шпагах и поэтому сразу же предложил выбрать лучшую.

Забывчивость итальянца на счет порученного ему прежде задания не предвещала ничего хорошего.

– Не забыл еще? – спросил его Ковалоччо, вставая в стойку.

Однако фехтование не лезло ему в голову и он как-то даже невнимательно отбивал новые неизвестные ему удары, как его друг в них не изощрялся. Наконец Ковалоччо надоело для самого себя просыпать свой «бисер» и расстраиваться при этом, поэтому он сразу и предложил бросить; перейти на разговоры.

– Слышал как наших Евгений Савойский¹² у Турина турнул? Вся северная Италия захвачена этим жирным козлом.

– Да, что-то слышал, – проговорил Франсуа совершенно ничего не слышавший, да и не мог ничего слышать, так как давно уже не был в кафе, которое облюбовали любители порассуждать, как и все краснобай охочие до новостей. – Кстати! Ты собирался родину повидать, могу тебя записать в полк, который набирают в Италию, как раз по твоей работе. Давай, такие мальчишки Франции нужны.

– А теперь кстати, на счет вашего патриотизма, почему вы (подчеркнуто) не спешите выправлять дела своей нации?

– Между прочим мне скоро придется отправиться на фронт, но более северный.

– Ты завербовался?

– Обстоятельства вынуждают, и для этого мне нужно знать о том, куда запропастился Рено?

– Ах, Рено!

– Говори правду, ты разузнал о нем?

– Между прочим он здесь был неделю назад, справлялся о тебе...

Сообщенное ему, хотя в сущности ничего конкретного не давало, но само то, что Рено все-таки объявился, уже это принесло большое облегчение и вселило надежду на скорую встречу с Рено. Оставалось только ждать.

И Эртени даже и не очень торопился. В следующий раз он пришел к Ковалоччо только через несколько дней, но его не оказалось дома; он изволил оказаться только на следующий день. Эртени с самого утра пребывал в плохом настроении и еще больше расстроился, когда открывший ему дверь Ковалоччо сразу встретил словами:

¹² [2] Генералисимус, командующий императорскими войсками.

– А, здравствуй. Не, Рено не заходил... Проходи.

Видно было, он куда-то торопится скорее всего, на урок и поэтому Франсуа у него долго задерживаться не стал, только подождал когда он экипируется.

Выходящего из опочивальни Ковалоччо, Франсуа обратил внимание на окно, на подоконнике которого стояла корзина-плетенка с цветком.

– Капече, я не могу к тебе часто навещать...

– Отчего же заходи, всегда рад.

– Тебя часто не бывает дома. Если тебя не затруднит, когда узнаешь что-нибудь об этом Рено, сними этот горшок с цветком с подоконника, я буду знать.

– Конечно, но ты без всякого заходи. И смотри, если тебе нужны деньги, скажи...

Ковалоччо его сегодня раздражал, неужели он приобрел вид человека, которому не грех предложить деньги.

В квартире лачуги «Лютеция» его раздражал опьяненный опиумом Саидка, который ходил обалделым идиотом. В последнее время он часто бывал таким и Эртени был этим крайне недоволен. «Как стал принимать, так ничего не стал готовить!» – выругался он вслух, громыхнув грязной посудой. Пошел к лежащему на диване, улыбающемуся Саидке.

– Жрать нечего, давай деньги.

– А-а!

– Где деньги лежат?!

– А-а!

Это было в Кашгаре

На конном базаре.

Саидка все-таки расклеился и протянул ему свой запряженный кошелек. Эртени раскрыл:

– Одна медь, ты на углу стоял что ли? – стал передразнивать. – Я опиум торгую! Деньгу заколачиваю!

Покопавшись среди меди, изъяс оттуда два лобанчика. Сплюнул, поймал себя на мысли, что монеты названные именем короля называет вбившейся ему в язык воровским обзывалом... При этом сразу же устыдился своей невыдержанной манере сплевывать, хотя и не все-рез. Сегодня весь день идет у него каким-то рваным. Решил привести себя в норму и стал заниматься пассивной отработкой приема, но не этого хотелось, он взял книгу на итальянском языке и вышел на улицу, направился в парк Монсо. Только он мог его успокоить.

На следующий день он проснулся от воздействия извне. Над ним стоял Саидка с измученным видом. Эртени показалось что сейчас ему достанется за вчерашнее, и он уже стал прикрывать слабые места, отнюдь даже не там где рождается вздох. Но все обошлось, Саидка сдернул с него одеяло. Утро начиналось как обычно с тренировки и после начального бега по залу, слышались только короткие глухие звуки, издаваемые учительствующим китайцем. Сначала как всегда повторение приемов, ударов, долгое и машинальное: особенно Эртени долго и вхолостую отрабатывал удары по нервно-болевым местам, то на чем он особенно заострил внимание. Так же еще ему нравилось в прыжке с разбега бить ногой по висящей с потолка веревке в точно отмеченное место. Эртени имел подвижное тело и очень большую прыгучесть, так что он без разбега мог запрыгнуть в седло коня... Обычно Саидка только показывал что-то новое и Эртени сам выбирал нужно это ему или нет. То что ему Саидка показал сейчас, он сразу же мысленно отверг. В прыжке с разбега сомкнуть на голове жертвы ноги... и наблюдать муки человека со сломанной шеей.

– Это ужасно, Саидка. Лучше иди, принимайся за горшки и кастрюли.

– Давай, не ужасно. На тебе, брать пистолет и стрелять.

По-видимому Саидка собирался показать еще одну и необыкновенную ловкость, если уж начал делать ошибки в речи и хамить, обращаясь на ты. Пистолет, который он получил по всей видимости был заряжен на пружину и на деревянный стерженек, потому что не от настоящего же выстрела он собирался уворачиваться. Увернулся, хотя и выпульнутый снаряд вылетел намного быстрее, чем можно было ожидать. Поднял отскочившую на пол пулю.

– Эта пистолет стреляет быстрее пистолета с огнем. Я проверял...

Эртени захотелось вспомнить тот момент, когда вылетевший с сильной отдачей стерженек прорезал в воздухе пустое пространство, из которого выдернулся Саидка, далее закружившись в тормозящих движениях. Восстановив в памяти тот миг, он был охвачен безудержным восторгом.

– ... Сейчас я увернулся от выстрела пули. Для этого я знал: пока происходит запал – проходит время. Его очень много, несколько частей. Нужно улавливать по руке неприметные движения, и точно реагировать, не ошибиться. Это смерть в спину. Пока палец нажимает, пока курок бьет, пока порох возгорается и пулю выбивает, проходит очень-очень много времени, если уметь его замечать. Не нужно дергаться резко, это придет, нужно ощущать время долго, дольше, чем чувствуешь сейчас. Если научишься растягивать время в мысли, тогда будешь реагировать на пули. Тут доли мига. Отработать движение – хорошо, уметь из любого положения уворачиваться – тоже хорошо, без этого невозможно, но без ощущения времени – никогда не возможно успеть понять, что в тебя уже стреляют. Нужно успевать по маятнику: одна секунда считать до пятнадцати. Это не страшно: одна за другой цифры представляешь, я считаю до семнадцати, и я уже давно увернулся, а пуля только летит. Стреляй!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.